

ИЗВЕСТИЯ

**КАРАЧАЕВСКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА**

Т. I

ЧЕРКЕССК – 2005

КАРАЧАЕВСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

ИЗВЕСТИЯ
КАРАЧАЕВСКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
Т. I

Материалы I-х Тамбиевских чтений
по карачаево-балкарской историографии
11-12 июня 2004 г.
п. Нижний Архыз

Подготовлено
историко-культурным
обществом
«АЛАНСКИЙ ЭРМИТАЖ»
ВЫП. XVI

ЧЕРКЕССК – 2005

Ответственный редактор
И.М. ШАМАНОВ
кандидат исторических наук,
академик - действительный член МТА

Рецензенты:

Ш.М.БАТЧАЕВ, кандидат исторических наук (*Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник*),
Р.М.БЕГЕУЛОВ, кандидат исторических наук, доцент (*Карачаево-Черкесский госуниверситет*), **И.С.КИПКЕЕВ**, декан филиала ТГРТУ; **Р.Т.ХАТУЕВ**, кандидат исторических наук (КЧИГИ);
А.А.ЭБЗЕЕВ (Карачаевский НИИ)

Сдано в набор 01.12.05. Подписано в печать 16.12.05.

Усл. печ. л. 6,3. Тираж 300 экз.

Издательство Карачаевского НИИ. 369000. г. Черкесск, ул. Ленина 411

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
О I-х ТАМБИЕВСКИХ ЧТЕНИЯХ ПО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

11-12 июня 2004 г. в Нижнем Архызе (п.Буково) в актовом зале Специальной астрофизической обсерватории (САО) РАН прошла межрегиональная научно-практическая конференция по проблемам историографии карачаево-балкарского народа, приуроченные к 100-летию со дня рождения основателя Карачаевского НИИ И.Х.-Б.Тамбиева и 120-летия со дня рождения руководителя Карачая К.-А.А.Курджиева.

Был зачитан приветственный адрес от депутатского корпуса Народного собрания КЧР, подписанный вице-спикером республиканского парламента Р.Хабовым. Участников форума приветствовали директор САО, член-корреспондент РАН Ю.Ю.Балега, президент региональной Национально-культурной автономии карачаевского народа, депутат НС КЧР А.И.Герюгов. Участников форума напутствовал старейший карачаево-балкарский историк проф.К.Т.Лайпанов.

В работе конференции участвовали специалисты из девяти научных и высших учебных заведений КБР и КЧР, в т.ч. Кабардино-Балкарского государственного университета (КБГУ), Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБНИИ), Балкарского музея-мемориала, Карачаево-Черкесского государственного университета (КБГУ), Карачаевского НИИ, Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (КЧИГИ), Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (КЧМЗ), Карачаево-Черкесского государственного университета (КЧГУ), Черкесского филиала Таганрогского государственного радиотехнического университета (ТГРТУ).

Был принят итоговый документ, согласно которому решено такие конференции именовать «Тамбиевскими чтениями» (см. Приложения).

И.М.ШАМАНОВ
кандидат исторических наук, доцент,
Директор Карачаевского НИИ
(г. Черкесск)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги! Дорогие гости!

Отрадно признавать, что мы смогли собраться в это, весьма сложное для современных гуманитарных наук «рыночное время». Вдвойне радует нас то, что значение исторических знаний находит понимание от тех людей, без реально поддержки которых наука просто обречена на угасание.

О необходимости проведения систематических научных форумов по проблемам историографии Карачая и Балкарии нам приходилось уже говорить. Это было год назад на рабочей встрече в Черкесске руководства национально-культурной автономии и ряда ученых-историков. Об этом отмечалось и в печати. К сожалению, события, связанные с предвыборной кампанией, выбили всех нас из колеи, и мы смогли вернуться к этому вопросу только год спустя. Как говорится, «первый блин комом», и сложности начального этапа знакомы всем.

Знаковым событием является то, что наш форум проводится в год юбилеев двух ярких представителей карачаево-балкарского народа. **Ислам Хаджи-Бекирович Тамбиев** стал первым нашим ученым, объектом исследования которого стала одновременно история и Балкарии, и Карачая. Иначе говоря, он стал первым историком, который обозначил *комплексный подход* к изучению прошлого карачаево-балкарского народа.

В 1932 году Тамбиев стал организатором и первым директором первого научного учреждения Карачая – научно-исследовательского института, функционировавшего до депортации нашего народа.

С биографией **Курман-Алия Алиевича Курджиева** вы можете подробнее ознакомиться в последнем номере газеты «Экспресс-Почта», где мы опубликовали специальную статью к нашему сегодняшнему мероприятию и в связи со 120-летним юбилеем Курмана. Часть тиража для участников конференции – здесь, вы можете получить газету.

Уважаемые коллеги!

Основную массу карачаевской части историков-участников нынешнего форума составляют члены *историко-культурного общества «Аланский Эрмитаж»*. Поэтому для наших братьев из Балкарии есть смысл прояснить данный момент.

Ядро нашего просветительского сообщества формировалось в течение 10 лет. В 1994 году сложилась группа молодых представителей национальной интеллигенции, которая издавала

научно-просветительскую газету «Гипанис-Кубань». В 1995 году эта группа оформилась в фонд «Алам», который позднее был переименован в историко-культурное общество «Аланский Эрмитаж».

Напомню, что словом «эрмитаж» изначально обозначали келью отшельника, а позднее, в дворцовых комплексах – *место уединения, размышления и отдыха в кругу друзей*. Именно в этом, последнем значении создавалось историко-культурное общество. Оно было призвано подчеркнуть – время массовых структур в деле национального возрождения прошло, мы будем создавать элитарное сообщество. Оно носит полузакрытый характер – в том смысле, что объединяет в своем составе не любителей патриотической риторики, а тех единомышленников, кто работает конкретно.

Что значит «конкретно»? Например – научная продукция. Так, за последние 2 года ИКО «Аланский Эрмитаж» издало 5 книг по карачаево-балкарской истории – то, чего не сделала за последнее десятилетие ни одна из государственных научных структур. Добавлю, что в оставшиеся 6 с половиной месяцев текущего года ИКО «Аланский Эрмитаж» планирует выпустить еще 5 книжных издания.

ИКО «Аланский Эрмитаж» первым поддержало идею создания региональной национально-культурной автономии (НКА) карачаевского народа, с которой выступил нынешний депутат парламента республики Азнаур Герюгов. С этого времени ИКО «Аланский Эрмитаж» выполняет и функции звена, связующего НКА с научной и творческой интеллигенцией Карачая. Была разработана Программа возрождения карачаево-балкарского народа, реализацию которой взяла на себя НКА.

Согласно этой программе в год 60-летия депортации карачаевцев были воссозданы *Карачаевский НИИ* и *Карачаевский национальный музей*, ликвидированные в 1943 году. Восстановлены в новом качестве – уже не в качестве государственного, а общественного научного учреждения. Эти учреждения уже выполняют свои функции – осуществляют экспедиции, издательскую деятельность, сбор музейных и архивных хранилищ.

Как видим, общественными усилиями осуществляется часть *культурной реабилитации*, которая государством проведена не была.

Кроме того, образован *Западно-Кавказский аналитический центр* (ЗКАЦ), осуществляющий межрегиональные и международные политологические связи, участвует в соответствующих проектах и мероприятиях

Все перечисленные пять структур – НКА, ИКО «Аланский Эрмитаж», Карачаевский НИИ, Карачаевский национальный музей, ЗКАЦ – составляют своего рода **научно-культурный холдинг**. Его координатором выступает национально-культурная автономия. Иными словами, работа проводится с учетом современных требований, в комплексном порядке.

Надеюсь, что с помощью Всевышнего мы сможем начать подлинное культурное возрождение карачаево-балкарского народа. Аллах болушсун!

ИСТОРИЯ

Р.М. БЕГЕУЛОВ
кандидат исторических наук, доцент
(г.Карачаевск)

К вопросу о некорректной интерпретации одного из документов по истории Балкарии

Следует сказать, что в исторической науке до сегодняшнего дня существует довольно много устойчивых стереотипов, причем, зачастую, мало имеющих или совсем не имеющих отношения к реальной действительности. Между тем, их долгое и упорное существование часто детерминируется некритическим восприятием отдельных источников, а порой и явной недобросовестностью исследователей их публикующих.

Например, не так давно был издан сборник «Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв.», составленный Х.М. Думановым и Ф.Х. Думановой¹. Однако некоторые документы из этого сборника явно не могут являться источниками, на которые можно было бы опираться при исследовании общественно-политических и социально-экономических процессов в регионе Центрального Кавказа. Речь идет, прежде всего, о документах, обозначенных в сборнике под номерами 18, 19, 20 и 22, взятыми из одного и того же архивного дела, хранящегося в фонде 13454 («Штаб войск на Кавказской линии и в Черномории расположенных») Российского государственного военно-исторического архива, озаглавленного «Переписка о взимании податей с осетинского народа князем Атажукиным» и датированного 1839 г. (Опись 2, дело № 296). На самом деле в документе под термином «осетинский народ» скрывается Чегемское общество Балкарии и рассматриваются некоторые аспекты его взаимоотношений с кабардинской феодальной фамилией Атажукиных. Процитируем документ под номером 18 из упомянутого сборника. (Остальные документы практически идентичны по смыслу и содержанию приводимому ниже).

«Выписка из адатов

Чегемцы платили фамилии Атажукиной (исчисления в деньгах)

1. За раздел имения старшины получали смотря по состоянию имения подданных по тому примерно, ибо случалось на сумму от 150 до 200 и до 300 рублей серебром. (В оригинале эта фраза звучит: За раздел имения старшин получали, смотря по состоянию, примерно на сумму от 150 до 200 и до 300 рублей серебром – Р.Б.).

2. От черного народа с каждого дома каждое лето для молока по одной корове, что составляло до 140 коров со всех, на деньги будет – 700 рублей серебром.

3. На пищу по одному быку 140 быков – 1400 рублей серебром.

4. По барану, 140 баранов 140 рублей серебром.

5. По одному кувшину масла, 70 пудов – 210 рублей серебром.

6. По два бурдука пива, 280 бурдуков – 140 рублей серебром.

7. По одной сапетке пшеницы – 35 рублей серебром.

8. Во время зимы со всего народа для возки дров 20 ишаков – 40 рублей серебром.

9. Для запашки земли во время пахоты 20 быков – 60 рублей серебром.

10. Для одежды по одному курпею со двора 35 рублей.

11. Если кто помрет, из оного народа и никого из наследников не останется – все имение поступало в пользу фамилии Атажукиных, примерно от 40 до 80 рублей и случалось и до 100 рублей серебром в год.

12. Когда кто из фамилии Атажукиных пожелает ехать на богомолье в Мекку, народ обязан был на путевые издежки давать ему пособие по возможности.

13. 50 лет тому назад Хаджи Темруко Атажукин при поездке в Мекку получил двадцать девок одинакового возраста, что составило на деньги 4000 рублей»².

Однако, при прочтении оригинала архивного дела целиком, информация, изложенная в документах, предстает в совсем другом свете. Причем, остается только сожалеть о том, что тенденциозные выдержки из архивного дела, не отражающие реальную действительность, попали в сборник, претендующий на статус «учебного пособия».

Между тем, материалы дела рисуют перед нами следующую картину. В 1839 г. на имя начальника Кавказской области генерал-адъютанта П.Х. Граббе поступила «докладная записка» от кабардинского князя Мисоста Атажукина, в которой последний, жалуясь на свое бедственное материальное положение, просил разрешить ему либо пользоваться по-прежнему «податями» с Чегемского общества, получавшимися когда-то, либо заменить их соразмерной денежной компенсацией. В ответ на запрос командования о размере податей и их денежном эквиваленте М. Атажукин и составил список, приведенный выше. Всего же, как объявил М. Атажукин, Чегемское общество выплачивало ему податей в размере 7040 рублей серебром в год³. Кабардинский Временный суд, куда был сделан запрос, в точности подтвердил данные кабардинского князя и выдал соответствующую справку. (Кстати, секретарем суда работал известный общественный деятель

Кабарды первой половины XIX в. Шора Ногмов). Однако дело даже не в том, что все прекрасно знали и знают каким путем в России и, в частности на Кавказе, можно было получить любую справку. Российское командование, скептически восприняв информацию М. Атажукина, послало исполнявшего должность начальника Центра Кавказской линии Беклемишева в Чегемское общество с заданием проверить все на месте. Чегемцы же заявили Беклемишеву, что подать, «платимая ими, состояла в иной год по одному барану с двора, в иной по одной рогатой скотине или по сапетке меду»⁴, что является «стандартной» на всем Центральном Кавказе формой платы горских обществ кабардинским феодалам за беспрепятственное пользование плоскостными пастбищами. Но главное то, что сам начальник Центра Кавказской линии пришел к твердому убеждению, что с Чегемского общества при всем желании невозможно было «когда-нибудь собирать подать более 500 или 600 рублей серебром в год»⁵, тем самым дезавуировав все измышления кабардинского князя.

Следовательно, мы не можем опираться на данные князя Атажукина и использовать их в качестве достоверного источника, а также делать на их основе какие-либо выводы. Вообще, по мнению автора, публикация их, как минимум некорректна и ненаучна, по крайней мере, в том виде, в каком это сделано в упомянутом сборнике. При этом следует признать, что не критический и ангажированный подход к источникам продолжает существовать, что наносит серьезный вред исторической науке.

Ш.М.БАТЧАЕВ
кандидат исторических наук (г.Карачаевск)

Об участии горцев в войнах Российской империи (к историографии проблемы)

Комплексное изучение историографии вопроса позволяет сгруппировать работы согласно хронологии исследуемых войн. При обзоре работы также даются в хронологическом порядке.

В трудах дореволюционных историков (Н.Ф. Дубровина, А.М. Зайончковского и других), посвященных Крымской войне, история формирования и участия кавказских иррегулярных частей в боевых действиях, рассматривается крайне редко и поверхностно.¹ Исключением являются труды М.И. Богдановича, который довольно часто упоминает о действиях кавказских ополчений, и приводит данные об их численности.² Однако, все эти историки, будучи представителями охранительного направления в исторической науке, в своих трудах выступали как апологеты завоевательной политики царизма на Среднем Востоке и, в частности, на Кавказе.

Поэтому, даже упоминая о боевых действиях кавказских ополченцев, они рассматривают эти факты через призму великодержавного шовинизма и презрения к горцам.

В советской историографии Кавказский театр Крымской войны также слабо исследован. В трудах Е.В. Тарле, И.В. Бестужева, С.К. Бушуева и других авторов ему уделяется крайне незначительное место.³ О боевых действиях же кавказских иррегулярных частей (в основном грузинских и армянских) упоминается крайне редко и всего несколькими строками. Историки Е.Е. Бурчуладзе и А.И. Погосян показали в своих работах участие грузинских и армянских ополчений на Кавказском фронте.⁴ Обороне Северного Кавказа в 1853-1856 годах посвящена работа А.Х. Касумова.⁵ Наиболее полно вопросы участия кавказских ополчений в боевых действиях на Кавказском фронте отражены в трудах Х.М. Ибрагимбейли.⁶ Однако в своих работах Х.М. Ибрагимбейли не отводит специального места карачаевцам-участникам войны, что связано с обобщающим характером его трудов. Кроме того, характеризуя регионы Кавказа в период, предшествующий войне, он упускает из виду Карачай.

В современной российской историографии вопрос участия карачаевцев в Крымской войне 1853-1856 годов затрагивается в монографии Р.М. Бегеулова, посвященной участию карачаевцев в национально-освободительном движении горцев против царизма, а также в статьях К.Т. Лайпанова и И.М. Шаманова.⁷

Историография участия горцев в русско-турецкой войне 1877-1878 годов более богата. Некоторый фактический материал о действиях кавказских иррегулярных частей содержится в трудах дореволюционных историков: С.П. Зыкова, Б.И. Колюбакина, И.Ф. Тутолмина, Г.Е. Баева.⁸ Однако, наряду с объективными работами, ряд авторов (М.В. Максимов, А.Н. Маслов) в своих работах выступают с шовинистических позиций и всячески принижают роль горцев в победном исходе войны.⁹

Советская историография, посвященная различным аспектам русско-турецкой войны 1877-1878 годов достаточно обширна. Это работы И.И. Ростунова, В.И. Виноградова, Л.И. Нарочницкой и других авторов.¹⁰ Однако вопрос участия в войне горских частей в основном стал исследоваться в конце 70-х – начале 80-х годов XX века, в связи со столетием войны. Ряд работ, затрагивающих данный вопрос, появились в последующие годы. Это диссертационные исследования и монографии М.П. Санакоева, Т.Х. Муталиева, Х.А. Акиева, Ш.В. Мегрелидзе, работы Г.Т. Дзагуровой, М.Т. Мальсагова, Г.А. Дзидзария, В.Б. Вилинбахова, А.Г. Гаджиева, Ч.Э. Карданова, А.Д. Вершигоры.¹¹ В основном они посвящены участию в войне отдельных народов: осетин, ингушей, чеченцев,

кабардинцев, народов Дагестана и Закавказья. Помимо научных работ, данному вопросу посвящены и художественные произведения В.М. Цаголова, М.И. Цаллагова, повествующие о боевом пути осетинского дивизиона.¹² Вопросу участия же карачаевцев в войне 1877-1878 годов посвящены лишь отдельные публикации Е.Б. Польской, А.Д. Вершигоры, В.И. Шкуро, В.П. Бардадыма, К.Т. Лайпанова и И.М. Шаманова.¹³

В обобщающих трудах по истории русско-японской войны 1904-1905 годов, вышедших в дореволюционный период, тема участия горцев в войне не нашла отражения.¹⁴ В советской историографии она также не исследовалась вплоть до конца 80-х годов.¹⁵ Однако она была отражена в художественных произведениях А.Х. Налоева и Х.Х. Бекузарова, основанных на архивных документах и воспоминаниях участников войны и посвященных боевому пути Кабардинской и Чеченской сотен.¹⁶ Лишь в начале 90-х годов стали появляться работы, посвященные боевым действиям горских подразделений в войне. Это статьи Ж.Ж. Гакаева, Ю.Б. Лепилина, А.Д. Вершигоры, А.В. Войтова, документальные исследования О.Л. Опышко, Г.Т. Дзагуровой, М.Т. Мальсагова, М.П. Санакоева.¹⁷ Но по карачаевцам такой работы до сих пор нет.

В первой мировой войне большинство горцев приняли участие в составе Кавказской туземной конной дивизии. До революции этому боевому соединению было посвящено лишь несколько статей в печати. В советской историографии данная тема также не нашла своего отражения и упоминалась в большинстве случаев в связи с мятежом генерала Л.Г. Корнилова, которого горцы отказались поддержать.¹⁸ Лишь в 90-х годах появились документальные работы Е.К. Габелиа, О.Л. Опышко, Г.Т. Дзагуровой, М.Т. Мальсагова, М.П. Санакоева, В.И. Карпеева.¹⁹ Из диссертационных исследований можно отметить работу М.Г. Махмудова, посвященную участию в войне 1-го и 2-го Дагестанских конных полков.²⁰ Кроме того, ряд работ вышел в эмигрантских изданиях и был переиздан в последние годы в России. Это роман Н.Н. Брешко-Брешковского, воспоминания участников войны А.А. Арсеньева и А.Л. Маркова.²¹ Большинство этих работ посвящено участию в войне представителей отдельных народов: абхазов, осетин, кабардинцев, балкарцев, ингушей, народов Дагестана и Закавказья. Вопросу службы карачаевцев в Кавказской туземной конной дивизии отведено место в обобщающей работе О.Л. Опышко и посвящен ряд статей С.З. Лайпанова, К.Т. Лайпанова, У.З. Байрамукова.²² Об участии карачаевцев в войне в составе других частей упоминается в статьях В.И. Хубиева, М.И. Баразбиева.²³

Не нашла должного отражения тема участия карачаевцев в дореволюционных войнах Российского государства и в обобщающих «Очерках истории Карачаево-Черкесии».24 Так, о карачаевцах-участниках Крымской войны 1853-1856 годов в ней вообще не упоминается. Всего несколько строк посвящено участию горцев в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Чуть больше места отведено участию карачаевцев в русско-японской войне 1904-1905 годов и в первой мировой войне 1914-1918 годов. Характерным для всех этих упоминаний является мысль о том, что на войну горцы шли с неохотой. Данное утверждение отвечало требованиям идеологизированной историографии советского периода, но полностью опровергалось следующим положением авторов о том, что Кавказская туземная конная дивизия являлась одним из лучших боевых соединений в годы войны. Подобное же наблюдается и в фундаментальном труде «История народов Северного Кавказа (конец XVIII века – 1917 г.)».25 На наш взгляд, нельзя идти на войну с неохотой, а потом заслужить имя «одни из лучших».

Не нашла своего отражения тема данного исследования и в зарубежной историографии.

Таким образом, подводя итог обзору, следует отметить, что историография исследуемого вопроса, как отечественная, так и зарубежная, крайне скудна и ограничивается несколькими статьями и упоминаниями в обобщающих работах.

И.С. КИПКЕЕВ
декан филиала ТГРТУ (г. Черкесск)

Регуляция оборота земельных ресурсов у карачаево-балкарцев 18-19 вв.

Существование частной собственности на землю у карачаевцев не вызывало сомнений уже в XIX в. «Сложившееся временем право частной собственности на землю, - пишет П.А. Гаврилов (1869 г.), - уже настолько установилось в Карачае, что у карачаевского общества не возникает в этом отношении серьезных недоразумений»26. То же самое можно сказать и об обществах Балкарии. В «Журнале податных инспекторов поземельного обложения в Терской области» о балкарских обществах говорится: «...институт частной собственности у горцев создан не только на почве сословных привилегий, но прежде всего путем искусственного создания культурных участков, упорным трудом целых поколений отвоевываемых у дикой природы края. Собственность эту ревниво и зорко оберегает обычное право, и народ повсеместно ее уважает и искони признает. В общинном пользовании состоят лишь земли неудобные и пастбищные, пахотные же и сенокосные участки, т.е.

все земли культурные, представляют частную, фамильную собственность; эти земли свободно продаются и покупаются, отдаются в залог, в калым, уплату за кровь»²⁷.

По балкарским адатам земельные права узденей (каракиши) были ограничены князьями (таубиями). Адаты гласили:

1) «каракиши относительно земель, на которых они водворены и которые обрабатывают, пользуются на правах неотъемлемой собственности; но продавать ее, без видимой надобности, не имеют права без разрешения таубия, которому они подвластны»;

2) «при переселении в другое общество каракиши имеют право передавать эту землю своему родственнику, если он согласится отбывать господину все повинности, следуемые с переселяющегося. Если же последний не имеет родственников, земля его поступает в полное владение таубия»;

3) «земли, занимаемые ясакчами и чагарами, принадлежат таубиям»²⁸.

4) «если каракиши умрет и после него не останется прямого наследника, ни брата, ни родственника, то имение переходит к таубию, которому принадлежал умерший»²⁹;

5) «если из двух братьев каракиши, живущих отдельно, один умрет, не оставив сына, то имение переходит к оставшемуся в живых брату; таубий же получает одну часть из земель, или пахотную или сенокосную по выбору»;³⁰

Формально зависимость балкарского узденства (каракиши) «была чисто административной»³¹.

Помимо индивидуальной частной собственности, в Карачае и Балкарии существовали и другие формы земельной собственности – частная родовая (фамильная, клановая), феодальная, общинная. В.П.Невская отмечает: «С одной стороны, складывающаяся в Карачае феодальная собственность на землю была завуалирована общинными пережитками, а с другой стороны, рядом с частной собственностью продолжала сохраняться и общинная»³².

Вытекавшее из характера частной собственности на землю право на свободное отчуждение (продажу, дарение, залог) ограничивалось преимущественным правом на приобретение продаваемой земли родственниками и соседями. Адатная норма гласила: «Владелец, желающий продать землю, должен об этом прежде всего объявить своим ближайшим родственникам, а если в числе их не окажется охотников, то вызываются желающие из смежных владельцев и только, когда и в числе этих последних не найдется покупателей, владелец имеет право продать землю кому заблагорассудится»³³. Из статей карачаевских адатов следует, что желающий продать свою землю, должны были в первую очередь

предложить ее своему князю (бию), и только если тот отказывался, разрешалось продавать ее другим лицам³⁴.

Необходимо отметить, что право частных владельцев земли на свободное отчуждение ограничивалось и требованием, чтобы земля приобреталась только теми, кто проживает в Карачае. Эта норма сохранилась и в 1860-х гг., когда Эльборусский окружной народный суд, основываясь на адатных нормах, постановил: «Суд находит необходимым установить, чтобы переселенцы из Карачая дарили или отчуждали другим каким-либо образом принадлежащие им земли только карачаевцам, живущим в Карачае»³⁵.

Юридически выглядело так, как говорилось в «Пояснительной записке о личных правах горского населения Кубанской области» говорилось: «Пахотные, покосные земли и хуторные участки составляли частную собственность, лес же и пастбищные земли находились в общественном владении всех карачаевцев»³⁶.

Но фактически дело обстояло не так. «Все сенокосы, кышлыки (зимние пастбища) и даже часть летних пастбищ – джайлыков, - отмечает В.П.Невская, - были фактически захвачены феодальной знатью... Это противоречие между фактическим состоянием землевладения и землепользованием в Карачае и юридическими нормами старых адатных отношений смазывало наличие феодальной собственности на землю... Только бии были полными владельцами земли и раздавали ее своим подвластным узденям»³⁷.

По мнению исследователей, верховным собственником земель являлось аристократическое сословие - «белая кость» (*акъсюек*), включавшее князей (*биев* и их разновидность *чанка*). У «белой кости» была и монополия на политическую власть³⁸. «Управление внутренними и внешними делами находилось в руках сословия бий», - отмечалось в «Пояснительной записке о личных правах туземного населения Кубанской области»³⁹.

Соответственно, возникавшие с соседями вопросы, связанные с земельными отношениями, решались именно этим сословием.

Р.Т.ХАТУЕВ

кандидат исторических наук, с.н.с. (г.Черкесск)

О компонентах исламизации Северо-Западного Кавказа

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет вкратце обозначить следующие компоненты исламизации региона.

а) Культурный компонент

Письменность. Культурное влияние проявилось в распространении (пусть лишь на уровне правящих элит) письменности, основанной на арабской графике. Свидетельством тому – арабографические памятники рассматриваемых народов⁴⁰. Ведущими носителями духовной культуры со временем стала прослойка духовенства, которое именно в силу указанной функции обрело и политическое влияние.

Арабская письменность на рассматриваемую территорию проникла еще в аланское время. Свидетельством тому – эпиграфические памятники (один из них датирован 1044 г.), выявленные в долине р.Б.Зеленчука в Нижне-Архызском городище⁴¹. Отмечая, что «часть алан подвергалась исламизации» еще в дозолотоордынское время, С.Н. Малахов обращает внимание на персидский источник кон. XII – нач. XIII в. «Аджаиб ад-дунья» («Чудеса мира»), гласящего: «Алания – город между Абхазом и степями кипчаков, в нем много мусульман»⁴².

С включением региона в состав Золотой Орды, где мусульманство стала государственной религией, процесс исламизации части алано-асских племен, судя по всему, продолжился. Ибн-Батута (около 1333 г.) сообщает, что в Сарае, главном городе Золотой Орды, живут «разные народы, как то: ... Асы, которые мусульмане»⁴³. Именно к золотоордынскому времени (XIV вв.) относится арабографический памятник, фиксируемый археологами в верховьях р.Кубани (район Усть-Джегуты)⁴⁴.

Наиболее ранним арабографическим памятником на территории нынешней Кабардино-Балкарии следует, видимо, считать надпись на мусульманском мавзолее, датируемую 860 г. хиджры, т.е. 1455 г.⁴⁵.

Но эти импульсы проникновения арабского письма в Кубано-Терское междуречье, имевшие место в XI-XV вв., были скорее эпизодическими. Более последовательное освоение региона мусульманскими миссионерами (как носителями и прививателями арабской графики) относится к XVI-XVIII вв., что было связано с укреплением связей его населения, в первую очередь, элиты с Крымским ханством и Тарковским шамхальством.

Первыми из народов региона, элита которых стала активно использовать арабское письмо (в основном в деловой переписке, где использовался тюркский язык) были адыги и, видимо, абазины. – они, составляя своего рода этнополитический «буфер» между горцами, с одной стороны, и мусульманскими региональными гегемонами (Крым, шамхальство), исламизации подверглись в первую очередь.

Как отмечают исследователи, в XVIII веке «на кабардинских мавзолеях, в отличие от балкарских, как правило, имеется арабская

эпиграфическая надпись», что «говорит о том, что в XVIII веке ислам завоевал более прочные позиции в Кабарде, чем в высокогорной Балкарии, которая, по-видимому, никогда не подвергалась опустошительным набегам Крыма благодаря своему географическому положению. Следовательно, внешние факторы в исламизации оказали более сильное влияние на Кабарду, чем на Балкарию»⁴⁶. То же можно отнести и к XVI-XVII вв.

Наиболее ранним эпиграфическим памятником в Верхней Кубани, где имеется текст, выполненный арабицей на тюркском языке, является надмогильный камень, *сын таш*, некоего Батыр-Мырзы, сына Сосрана (видимо, из клана Сосранлары княжеского рода Крымшамхаловых), найденный еще в советское время в карачаевском селенье Карт-Джурт. Памятник датирован 1107 г. хиджры, т.е. 1695 г. григорианского летоисчисления⁴⁷. Следовательно, можно утверждать, что арабское письмо в карачаево-балкарскую культуру впервые было привнесено не позднее XVII в.

Литература. С влиянием мусульманской культуры связана популярность образа Ходжи Насреддина, который знаком практически всем рассматриваемым народам – этническим мусульманам. Исследователями уже отмечалось распространение у горцев произведений классической поэзии мусульманского Востока, таких как, например, «Дахир и Зухра», «Лейла и Меджнун»⁴⁸.

Прикладное искусство. Установка на ограничение изображений живых существ, бытующая в поздней суннитской традиции (в раннем суннизме и в шиизме этой строгости нет) сыграла значительную роль в качественном изменении изобразительной номенклатуры прикладного искусства рассматриваемых народов. На примере балкарцев археолог В.М. Батчаев отмечает: к концу XIX в. «мусульманство с его запретом на какие бы то ни было изображения живых существ утвердилось в крае полностью и окончательно. Если с теми реликтами изобразительности, существование которых в народном искусстве было освящено тысячелетними традициями (напр., зооморфные детали светильников и деревянных чаш), служители культа еще как-то вынуждены были мириться, то о возобновлении этих традиций, обогащения их какими-то новыми мотивами уже не могло быть и речи». Рассматривая национальный женский того времени, исследователь пишет: «разве не показательно уже то, что на одну застежку с реалистическими фигурками птиц приходится с десяток таких, где эти фигурки «замаскированы» под всякого рода растительные завитки»⁴⁹.

Это положение можно распространить и на прикладное искусство карачаевцев и кабардинцев.

Архитектура. Мусульманское цивилизационное влияние оказывалось и на материальную культуру рассматриваемых народов. Так, затрагивая проблему генезиса склепов Кабарды и отчасти Балкарии, А.Х. Нагоев вполне убедительно связывает его с влиянием мусульманской архитектурной культуры. Он пишет, что «кабардинские склепы обнаруживают большое сходство только с балкарскими и, за редким исключением, не находят себе аналогии в осетинских и вайнахских»⁵⁰.

Исследователь полагает: «не исключена возможность того, что кабардинские князья заимствовали форму мавзолеев у соседних горцев, в частности балкарцев и карачаевцев, имевших традицию сооружения склепов» (там же). При этом отмечается, что влияние традиций мусульманского зодчества не сводилось к подражанию, оно проявлялось в привлечении в Кабарду самих носителей этих традиций. «Полное отсутствие традиции у средневековых кабардинцев использовать камни в качестве строительного материала, - отмечает А.Х. Нагоев, - служит достаточно твердым основанием о сооружении склепов-мавзолеев приглашенными из соседних стран строителями. Это становится более чем вероятным, если вспомнить, что пятиэтажную боевую башню «Адиюх», как убедительно доказал Л.И. Лавров, возвели в 1761 г. мастера из Крыма, присланные Крым-Гиреем по просьбе кабардинского князя Хаджи-Темрука. Не только относительно высокий уровень строительной техники кабардинских мавзолеев, но и наличие на них арабской графики, не характерной для аналогичных сооружений соседних горцев, говорит опять-таки в пользу нашей точки зрения о происхождении усыпальниц кабардинских князей»⁵¹.

Определяя хронологические рамки сооружения склепов в Кабарде в рамках одного столетия (конец XVII – конец XVIII в.), А.Х. Нагоев указывает, что они совпадают по времени «с двумя историческими событиями, существенно повлиявшими на судьбу кабардинского народа»: опустошительными походами крымских ханов на рубеже XVII-XVIII вв. и разгромом Крымского ханства, усилением влияния России на Северном Кавказе, началом Кавказской войны⁵². В отличие от вайнахских, карачаевских и осетинских склепов, архитектурные формы которых восходят к доисламской эпохе, как справедливо замечает А.Х. Нагоев, балкарские склепы в своей основе обнаруживают «большое сходство с кабардинскими», которые являются «безусловно, мусульманскими погребальными памятниками»⁵³.

б) Правовой компонент

Влияние мусульманского права (шариата, а в нем – юридических норм, *фикха*) на народы рассматриваемого региона проявлялось во многих отраслях регуляции социальных отношений.

В «дошариатскую» эпоху у северокавказцев не было какой-либо системы ограничений работорговли. Исследования показывают, что, например, в XIV-XV в. работорговля составляла важную часть кавказского экспорта: итальянские, преимущественно генуэзские, купцы вывозили рабов (среди них упоминаются черкесы) с причерноморских портов – с Фассо (Поти) и Севастополя (Цхум, Сухуми), расположенных на землях мегрельских князей Дадиани, с Вати (Батум), находившегося на землях князей Гурии⁵⁴.

Работорговля продолжалась и с распространением ислама среди народов Северного Кавказа в позднем средневековье, но в это время впервые были введены ограничения. В соответствии с шариатскими нормами, мусульманину запрещалось *обращать* в раба своего единоверца (но *владеть* рабом-мусульманином не запрещалось).

Эти ограничения начали проводиться в жизнь задолго до шариатских движений, начавшихся в конце XVIII в. Как сообщает турецкий источник втор. пол. XVII в., поскольку «предписания шариата в какой-то мере выполняются», например, западными адыгами-жанеевцами, то «их нельзя обращать в рабство», а в округ Тамань, где проживали жанеевцы, Стамбул назначал кадиев⁵⁵.

В то же время, как указывается в том же источнике, восточных адыгов («Кабартай») было «можно обращать в рабство», поскольку «они /из страны/ войны». Видимо, это не относилось к кабардинским князьям («бейам»), давно исламизированным, которые «каждый год преподносят в качестве подарка хану, калге и нураддин-султану (высшим особам Крымского ханства, - Р.Х.) пленных черкесов»⁵⁶.

Положительное восприятие женской частью населения тех установок шариата, которые вели к укреплению правового статуса женщины, естественно, ею были активно поддержаны. Если же учесть, что на Северном Кавказе (в отличие от стран Востока) женщине традиционно принадлежали важные воспитательные функции, то становится вполне понятным почему объективно значительная роль в шариатизации северокавказцев (во возвращении молодого поколения горцев в лояльном к шариату духе) принадлежала женщине.

Эмансипация заключалась в том, что шариат:

- предоставляет женщине право наследования (Коран, 4:12-15), которое полностью отрицалось обычным правом (адатом);
- предоставил женщине право выступать свидетелем в судебном разбирательстве (Коран, 24:8-9), которого она была лишена по адату;
- поставил обязательным условием многоженства (фактически бытовавшего с языческих времен) способность мужа обеспечить равное материальное содержание и выполнять моральные обязанности к каждой из жен (Коран, 4:3);

- противодействовал практике насильственной выдачи девушки замуж, вводя принцип обязательного согласия девушки; шариат
- вместо калыма (выкупа за жену), основанном на адате, и достававшегося роду жены, вводил *махр* – материальные средства, выделявшиеся мужем не роду жены, а ей лично (как безусловную, частную собственность ее) на случай ее обеспечения в случае развода (Коран, 4:3, 29-30); по традиции *махр* долгое время продолжал именоваться «калымом».

Как видим, шариат принципиальным образом изменял общественный статус женщины, дав мощный толчок к ее эмансипации от архаических норм, восходящих к эпохе языческой дикости

в) Социальный компонент

Немалую роль в том, что незнатные категории (т.е. большинство) населения привлекал именно шариат, сыграло и то, что последним внедрялись институты, облегчавшие социальную напряженность: *зекаят* – обязательные ежегодные пожертвования людей с достатком в пользу нуждающихся; у горцев возник новый, благотворительный тип условного землепользования (*вакф*), который жертвовался в пользу бедных, пользовавшийся вакуфным земельным участком до той поры, пока не поправит свое материальное положение (за использованием этой земли надзирило духовенство)⁵⁷.

Еще до присоединения Западного Кавказа к Российской империи русскими авторами отмечалась привлекательность шариата для неаристократических слоев населения северокавказцев. Так, касаясь адыгов, барон Торнау (1830-е гг.) пишет: «По силе шариата все мусульмане равны перед Кораном и кровь каждого из них, князя или простого земледельца, ценится одинаково; адат признает постепенное значение различных сословий, и жизнь князя стоит дороже жизни дворянина, имеющего в свою очередь преимущество над простым вольным человеком. По этой причине люди высшего звания предпочитают адат, а низшие стараются подвести дело под шариат»⁵⁸.

У ногайцев, отмечает другой русский автор, Д.Г. Анучин (1860), «мало-помалу распространяющийся между ними шариат, проповедуя равенство, вводит демократические начала, и решение дел на мирских сходках по шариату все более и более входит в употребление»⁵⁹.

Ко второй половине XVIII века появились условия к качественным переменам в структуре элиты народов рассматриваемого региона. Они были вызваны причинами внешнего и внутреннего характера.

Помимо крымского и дагестанского влияния существенное значение имело расширение разнообразных связей с крупными

мусульманскими странами черноморского (Турция) и каспийского (Иран) бассейнов, в которых функционировали старейшие центры мусульманской культуры. Значительную роль в этом сыграл хадж.

Во-вторых, увеличивалась численность прослойки духовенства:

- интенсификация внешнего воздействия (российского, османско-крымского и пр.) увеличивал потребность в лицах, владеющих грамотой и обслуживавших политические интересы (дипломатические миссии, внешняя переписка и т.д.); таковыми лицами были только священнослужители, единственные носители грамоты (как уже отмечалось, обучение грамоте у дворян, например, адыгских, считалось непрестижным занятием);

- естественный ход исламизации увеличивал потребность в лицах, обслуживающих религиозные нужды народов региона: например, подготовка и проведение коллективных молитв, похоронных обрядов, обрядов, связанных с бракосчетанием, рождением ребенка, организации хаджа и т.д.;

- само возникновение прослойки священнослужителей требовало их профессиональной подготовки; они посылались для обучения в духовные центры Дагестана, Крыма, Турции (что, опять-таки, стимулировало расширение связей северокавказцев с мусульманскими странами и областями), возникали местные, духовные учебные заведения низшей ступени (это тоже стимулировало рост численности священнослужителей и углубление исламизации края); отметим, что такие заведения возникали даже в наиболее глухих уголках горного края, каковым в то время был, например, Большой Карачай: мы уже публиковали сведения о функционировании здесь духовной школы (*мезирте*), преподаватель и учащиеся которой погибли во время чумы 1806-1812 гг.⁶⁰

На определенном этапе количество перешло в качество – духовенство стало сословием, причем элитным. В нее «рекрутировались» представители разных сословий, как дворян (как тот же Исхак-эфенди Абуков в Кабарде), так и крестьян (как мулла Саркит, наставник упоминавшегося мезирте в Карачае), которые в новом качестве получили иные функции и права.

Какие же?

Как отмечал дореволюционный автор Н.Ф. Грабовский, еще в конце 1790-х гг. в Кабарде «вся судебная власть начала переходить в руки мулл»⁶¹. Адыгский просветитель князь К. Атажукин пишет, что «мусульманское духовенство после продолжительной борьбы забрало, наконец, в свои руки право суда. Ускользнуть от него могли только дела, в которых были заинтересованы личности и сословия, или случаи, на которые шариат не давал ответа»⁶². К.Ф. Сталь также указывает, что у адыгов священнослужители – муллы и эфенди – «суть единственные представители грамотности в

народе», в системе публичной власти («на народных вече и разбирательствах») обрели ключевые позиции («имеют большой вес»)63 .

Как видим, к концу XVIII – началу XIX вв. у «аристократических» племен адыгов (в частности, в Кабарде) уже появилась социальная группа со всеми характерными чертами сословия. Его позиции укрепились и под воздействием внешнего фактора – шариатского движения, начатого в Чечне под руководством шейха Мансура (Ушурмы), который, как признавали русские авторы, «в течение шести лет успел и в том и в другом предмете, обратив решительно в магометанство черкесов и чеченцев. С того времени выстроены у них мечети и умножились духовные чины Имамы, Кадии, Муллы»64 .

И.И. МАРЕМШАОВА
доктор исторических наук
(г.Нальчик)

Этноэкологическая основа этногенеза карачаево-балкарского народа: диалог цивилизаций.

Этногенетическая история каждого народа по-своему уникальна, она сопряжена с многочисленными факторами природно-географического, событийного, социально-экономического характера. Большую роль в этногенетических процессах играют миграции целых этнических массивов, их отдельных пучков и единиц. Особенно ярко и четко прослеживаются у тех народов, которые имеют в своем «историческом арсенале» кочевое прошлое, либо народы, тесно соприкасавшиеся с последними. В кочевых обществах постоянно происходил процесс выделения из более или менее сложившихся общностей родственных им этнических групп. Рашид-ад-Дин характеризовал данный процесс следующим образом: «С течением времени, - писал он, - эти народы разделились на многочисленные рода, (да, и) во всякую эпоху из каждого подразделения возникали (новые) подразделения и каждое по определенной причине и поводу получало свое имя и прозвище⁶⁵.

Примером одного из таких подразделений может служить карачаево-балкарский этнос, имеющий в своей основе как минимум два компонента - древнетюркский кочевой и кавказский. И здесь мы смело можем говорить о диалоге двух крупнейших цивилизаций. Оставив за пределами нашего сообщения причины, по которым предки карачаево-балкарцев обосновались в горах Кавказа, отметим лишь, что в 9-13 вв. было обычным делом отправлять в горы женщин, детей и стариков из разоренных степных станиц, а также из терпящих поражение кочевых отрядов. Обосновавшись в новых местах и смешавшись с коренным населением, они либо давали начало новым этносам, либо преобразовывали автохтонных жителей, внося в их культуры и быт новые элементы⁶⁶. обратим внимание лишь на два момента, являющиеся на наш взгляд ключевыми в процессе, результатом которого стал тот факт, что к началу 18 века карачаево-балкарцы, по праву стали именовать себя истинными горцами, включая весь комплекс горской культуры. Первый из них связан с проблемами географического детерминизма или вписываемости в новый ландшафт, что само по себе представляет длительный и сложный процесс. Второй более социализированный по своему характеру, связан с действием

принципа комплиментарности. причем комплиментарности не столько в пределах одной этнической группы, сколько в отношении с соседями, что в свою очередь ведет либо к мирному сосуществованию, либо к непрерывным столкновениям. войнам, притеснению, полному истреблению или ассимиляции одной из сторон. Обе эти проблемы имеют теоретическое обоснование в истории этносферы Земли, разработанной Л.Н. Гумилевым⁶⁷.

В процессе формирования и развития этноса и его культуры, как компонент цивилизации, немаловажное значение имеет та экологическая ниша, в которой живет и развивается этнос. Своеобразие экономической, социальной и духовной жизни народа, его основополагающие ценности и принцип жизнеустройства, обеспечивающие его самобытность, также связаны с окружающим ландшафтом. С позиции цивилизационной теории чрезвычайно важным представляется выявление тех фундаментально всеобщих законов, по которым происходит сначала встраивание культуры в природу, установление принципов и механизмов неантологического сосуществования сфер культурного и природного, а затем все более решительное размешивание культуры и природы⁶⁸.

На наш взгляд, для предков карачаево-балкарцев первоочередной и наиболее сложной была проблема приспособления к новым географическим условиям и организация жизненного пространства в соизмерении с имеющимися ментальными и практическими навыками. Это связано с тем, что среда обитания поменялась кардинально. Что же касается вписываемости в окружающий «людовской ландшафт», то при всей важности и сложности этой проблемы, решить ее было проще поскольку любое кочевое племя имеет в своем распоряжении большой опыт общения с иноплеменными этническими подразделениями, что, кстати, впоследствии сделало их более толерантными.

Работа по реконструкции ландшафта (как природного так и культурного) требовало от предков карачаево-балкарцев огромных энергетических затрат, питаемых относительно высоким уровнем пассионарности. «Пассионарность признак природный, передающийся генетический» - утверждал Л.Н.Гумилев.⁶⁹ И кочевники, видимо обладали ею в высокой степени, поскольку легли основу многочисленных этносов. Предки карачаево-балкарцев, генетически унаследовав пассионарность, смогли преодолеть обозначенные выше проблемы. Приспосабливаясь к новым условиям, пришельцы в первую очередь должны были наладить свой быт, основав поселения и возведя жилища. Так археологический материал демонстрирует ряд кочевых реминисценций в этой области. Среди ранних средневековых построек выделяются усадебные комплексы, объединяющие под общей крышей хозяйственные и жилые

постройки, примыкающие друг к другу по периметру и типичные для многих тюркских народов. Другим реликтом кочевой культуры являются 6-8 гранные и однокамерные жилища-срубы, встречающиеся в Карачае и в Балкарии.⁷⁰ Аналогичные постройки встречаются у древних гуннов, болгар, алтайских тюрков и многих тюрко-монгольских народов.⁷¹ Интерпретация подобного рода жилищ единодушно сводится к тому, что они «являются переходным конструктивно промежуточным звеном в эволюции круглой в плане кочевнической юрты прямоугольное стационарное жилище».⁷² В ряду жилищных реминисценций кочевого быта рассматривается варианты пастушечьих шалашей, изолированное помещение для молодоженов, а также убранство жилища карачаево-балкарской семьи, основанное по принципу организации интерьера юрты.

Одинаковые природно-климатические условия со временем приводили к возникновению сходных с соседними народами элементов материальной культуры, сохраняя при этом собственную этническую манеру и способы их создания. «Человек всегда работает для своих близких и в своем ландшафте, на базе опыта предков своих, а не чужих. Поэтому-то человеческие творения разнообразны, но отнюдь не калейдоскопичны».⁷³ Говоря об организации жизненного пространства следует упомянуть башенное наследие карачаево-балкарцев. В целом башни Балкарии и Карачая более низкие, чем их восточные аналоги, что может быть интерпретировано с точки зрения более низких каменных домостроительных навыков древнетюркских предков. С другой стороны, встречаются памятники, построенные в крайнее труднодоступных местах, что подчеркивает их особую значимость. Представление сторожевых башен как важный древнетюркский дериват позволяет провести параллель с существующей якобы на краю обитаемого мира, близ границ Булгарии «большой башни, построенной по образу высокого маяка».⁷⁴ название самих поселений в Балкарии и Карачае, именуемое терминами «Эль», «Журт», встречаются в различных фонетических формах у большинства тюркских народов.

Плавно внедряясь в природный ландшафт кавказского высокогорья, карачаево-балкарцы постепенно закрепили за собой место и в общекавказском культурном ландшафте, привнеся в него тюркский элемент, который несомненно обогатил общекавказский культурный фонд. Многочисленные культы, имеющие широкое хождение в карачаево-балкарской среде, связанные с древнетюркской традицией и обслуживаемые тюркской терминологией, также претерпевали определенные изменения в связи с привязкой к новому природному и культурному ландшафту. В результате на сегодняшний день, в лице данного этноса мы видим уникальный сплав разноплановых культур и этнопсихологических

черт, связанный со сменой ландшафта в его этнической истории и воспринимаемый как итог цивилизационного диалога.

Таким образом, поскольку связь человека и природы просматривается не на индивидуальном, а на этническом уровне, то разнородный ландшафт стимулирует изменения, ведущие к появлению новых образований, а вслед за этим и появление новых локальных культур. При этом следует отметить, что к появлению новых этнических локальных культур. При этом следует отметить, что все они возникли, не вступая в конфронтацию с природой, но обладая при этом разной степенью «встроенности» в природную среду и разной степени активности природопользования.

Наиболее плодотворной почвой для исследований этноландшафтной взаимосвязи на ранних этапах развития является мифотворчество. Для народов, не обладающих собственными историческими хрониками, мифологические источники приобретают исключительную познавательную ценность и ложатся в основу всех жанров фольклора. Применительно к кавказскому региону карачаево-балкарский этнос может быть показательным, так как в его истории и этнографии органически сочетаются кавказские и тюркские элементы, а следовательно на лицо сочетание и взаимодействие двух экологических ниш, двух цивилизаций – степной и горной.

Мифологическая и мифопоэтическая традиция карачаево-балкарского фольклора во многом созвучна с аналогичными традициями древних тюрков. Так, в тюркской мифологической традиции человек сделан из природных материалов. Древнетюркский миф, зафиксированный в 15 в., повествует о том, как в пещере вода затопила грот и занесла глиной ямку, имеющую форму человека. Под влиянием тепла глина ожила и возник человек.⁷⁵ Жизнь главного героя карачаево-балкарских эпических сказаний зародилась в камне на берегу реки. Таким образом мы можем констатировать не только идею биологической совместимости всего сущего у древних тюрков-кочевников и их кавказских потомков, но и некую трансформацию природного материала. В первом случае – глина, во втором – камень, т.е. материал более характерный для горного ландшафта. В последующей культурной традиции камень приобретает статус священного природного объекта, поклонение которому зафиксировано в карачаево-балкарской этнографии многократно и многовариантно. И в этом опять усматривается смена ландшафта, повлекшая трансформацию традиций. Если у древних тюрков факт поклонение земле проявился в виде отдельных обычаев и ритуалов, связанных непосредственно с землей, то карачаево-балкарцы, вписавшись в горный ландшафт избрали для поклонения одну из

ипостасей земли – камень. Производным земли считалось и почитаемое ими железо.

Применительно к высокогорному ландшафту в карачаево-балкарских мифах встречаются частые упоминания ледников в контексте воспроизводства рода, становление на ноги и приобретение богатырской силы. Таким образом, мы видим как древнетюркское поклонение земле, наделение ее свойствами плодородия и воспроизводства жизни преломляется в карачаево-балкарском этносе через призму высокогорного ландшафта гор, их неизменность неподвижность и величие преобразили этническое видение мира.

Представив этносу возможность биологического существования, экосистема способствует его культурной адаптации через формирование как хозяйственно-бытового комплекса, так и духовно значимых основ. С выходом на арену евразийского пространства древних народов, изменилась не только этническая картина Евразии и ее государственно политические структуры, но подверглась изменениям и взаимодействие с ландшафтом. Огромный тюркский этнокультурный мир стал очагом этнической энергии, импульсы которого распространялись разнонаправлено и приводили к широкомасштабным энергетическим процессам в различных регионах Евразии. Результатом одного из таких процессов стало появление карачаево-балкарского этноса.

М.М.КАРАКОТОВА
зав. сектором КЧМЗ (г.Черкесск)

Пища и утварь в истории карачаевцев и балкарцев

Пища и утварь является важным элементов материальной культуры любого народа. Они формируются на протяжении всей его истории. Здесь отражаются такие важные стороны жизни и деятельности народа как хозяйство, культура исторические взаимосвязи, контакты и взаимоотношение с соседними народами.

Флора, фауна, физико-географическая среда исторической территории народа существенно влияют на хозяйство, которое является основным источником пищи.

Созданные народом продукты питания и блюда, как правило, не вытесняются полностью даже при значительных изменениях быта. Обогащается ассортимент к привычным продуктам и кушаньям добавляются новые рецепты приготовления блюд, которые сохранились данные, а также многочисленные обычаи и обряды, формы общения людей, связанные с едой.

С изменением формы и содержания хозяйства менялась или дополнялась и традиционная пища. При изучении быта, нравов и

верований любого народа важно обратить внимание на форму подачи, способ употребления пищи и ее состав.

Карачаевцы и балкарцы издавна живут в высокогорных ущельях Центрального Кавказа. Каменистый грунт, короткое лето обусловили преимущественно скотоводческий характер их хозяйства, так как многие земледельческие культуры здесь не успевали вызреть. Очень мало было земель, пригодных для обработки и большие усилия затрачивались для их очистки, вспашки, поэтому земледелие и огородничество было на втором плане.

Основу питания составляли продукты животноводства, затем растительные продукты. Удельный вес мясомолочных или растительных продуктов в питании определялся в основном материальным благосостоянием, а также сезоном.

Овцеводство, коневодство, разведение крупного рогатого скота стояли на высоком уровне развития и целиком влияли на экономику карачаевцев и балкарцев.

Ячмень является древнейшей земледельческой культурой карачаевцев и балкарцев. Ячменная лепешка и сыр являлись вплоть до 19 в. основой их пищи. У богатых слоев населения присутствовало мясо, молоко, масло и другие продукты скотоводства. Также была известна пшеница и просо, выращивали лук, редьку, огурцы и др. огородные культуры, занимались пчеловодством. С древнейших времен в пищу карачаевцев и балкарцев шла добыча охотников.

Мясо было традиционной пищей, употреблялось в различных видах. Наиболее почетной и распространенной пищей была баранина. О древности употребления баранью мяса свидетельствует сложный и древний обычай разделения туши на определенные порции, что свойственно и другим тюркским народам. Очень распространенное было вареное мясо.

Оно не всегда входило в меню повседневной пищи. Но много ели его в праздничных случаях, при приеме гостей, во время тяжелых физических работ.

Карачаевцы и балкарцы широко практиковали заготовку мяса впрок. Его вялили, сушили на солнце, коптили. Разрезав на мелкие куски поджаривали на внутреннем жире и помещали в кожаный мешок, заливали жиром. В таком виде мясо долго хранилось. Кроме того впрок практиковали засолку головы, ног, внутренностей. Хранили их в кодках. В фольклоре упоминается метод варки мяса архаическим способом – путем бросания раскаленных камней в воду в деревянной или кожаной посуде. Не менее древним являлось и жареное мясо на вертеле. Шашлык приготавливали обычно из задней лядки. Кусочки мяса солили, надевали на шампур, иногда мазали айраном и жарили под раскаленными углями. Это, в первую очередь походное, скорое приготовление мяса, которым занимались

мужчины. Для ритуального шашлыка использовали сердце, легкие и почки.

Питание основной массы карачаевцев и балкарцев обеспечивали молочные продукты в первую очередь айран и сыр, молоко употребляли в различных видах. Это могли быть различного рода приправы к мясным и мучным блюдам. Так же молочные продукты в большом количестве заготавливали впрок в твердом и заквашенном виде. Айран делали из цельного или снятого молока коров, овец и коз. Его прежде всего употребляли для утоления жажды. Национальным напитком карачаевцев был кефир, его называли мужским напитком. Готовили его главным образом из козьего и овечьего молока, реже из коровьего. В обращении с кефирными грибками у карачаевцев бытовал табу, запрещавший передачу зерен другому хозяину.

Сыры готовили из овечьего, козьего и коровьего молока. Он составлял важнейший продукт питания, его ели с лепешками. Картошкой, делали начинку для пирогов. Два-три дня сыр можно было есть в свежем виде, затем его солили, укладывали в кадушку с рассолом сыворотки.

Из молочных продуктов следует еще назвать сметану или сливки, свернутые пенки с кипяченого молока, пенки с айрана, простоквашу и масло.

По сравнению с мясо-молочными продуктами удельный вес мучной пищи карачаевцев и балкарцев был довольно низким. Из ячменной муки пекли в золе хлеб, в нартских сказаниях и легендах часто фигурируют напитки из ячмени. Из ячменной позднее и из овсяной муки готовили различные виды киселя. Популярны были пироги, начиненные мясом, картофелем, сыром, свекольными листьями и другими растительными начинками. Из ячменной, пшеничной, кукурузной муки готовили различные каши. Своеобразно готовили впрок муку из ячменя, кукурузы и др. зерен.

Зерна жарили, мололи, полученная мука была готова к употреблению. Ее перемешивали с молоком, айраном, сливками и другими молочными продуктами.

Недостаток растительных продуктов, особенно весной, длительное пребывание на горных пастбищах хорошее знание диких трав приводило к включению в состав пищи многих трав и корней.

Мяту и рододендрон заваривали и пили как чай, стебли трав зыка, дикий горчичник, корни лопуха ели с сыром. Из плодов барбариса, яблок и груш готовили напитки.

В пищу карачаевцев и балкарцев входили и различные дикие растения и плоды. Прежде всего это дикие яблоки и груши, лесные орехи.

Фрукты употреблялись как в свежем виде, так и сушеном. Сухофрукты вымешивали на шерсть, сукно, войлоки. Из вареной массы слив и других фруктов изготавливали раскатанные пластинки и сушили их.

Употреблялись также и соки различных деревьев – березы, липы, в большом количестве употреблялись и ягоды.

В начале 19 в. в пищу входили и огородные культуры – капуста, огурцы, помидоры, морковь, лук, чеснок и др. Известны и бобовые – фасоль, горох

Итак, материальная культура карачаевцев и балкарцев развивалась в тесной взаимосвязи с культурами соседних народов. Однообразная, высокогорная среда обитания, одинаковые условия жизни тесные экономические и культурные контакты на протяжении многих столетий привели к тому, что народы, прежде далекие друг от друга как по языку, так и по хозяйственным традициям в конечном итоге создали очень близкую между собой культуру.

При изучении истории младописьменных народов первостепенную роль играет их традиционная, народная культура.

Объективное знание истории и культуры друг друга помогает укреплять и развивать дружеские отношения между народами.

ФОЛЬКЛОР

Т.Ш. БИТТИРОВА
доктор филологических наук (г. Нальчик)

Тюрки Северного Кавказа
(Проблемы этнокультурных связей)⁷⁶

Этногенез тюркских народов Северного Кавказа – один из малоисследованных проблем истории народов России. Такое положение обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств. К первым следует отнести утерю нашими предками письменности при смене религиозных представлений. Несмотря на то, что предки балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногойцев в разное время обладали руническим и греческим письмом, арабской графикой (есть даже глухие упоминания о существовании клинописи – «чюй жазма»), до начала 20 века на этих языках не было издано книг – самых надежных хранителей исторической памяти.

Репрессии 20-30-х годов, когда была физически уничтожена первая плеяда светской интеллигенции, представители которой стремились и не успели заняться научными проблемами, отражающими все компоненты культуры этноса, не дали возможности нашим ученым наравне с другими представителями народов России активно приступить к научным разработкам проблем этногенеза.

В эти десятилетия (20-50-е г.р.г.) 20 века одновременно уничтожались и материальные свидетельства жизни наших предков – архивные документы, музейные экспонаты, эпиграфика и археологические памятники. Но что хуже всего – многие исторические события искажались и интерпретировались в угоду политике, известные античной и средневековой историографии факты переходили в учебники по истории других этносов.

Депортация карачаевцев и балкарцев 1943-1957 гг. усугубило положение северокавказских тюрков в исторической науке, подготовленные уже Советской властью специалисты не смогли реализовать свой научный потенциал. При этом следует помнить, что историей народов Северного Кавказа начали активно заниматься именно в послевоенное десятилетие, когда были целенаправленно подготовлены научные кадры историков в лучших вузах и Академических институтах страны. В это время было выработана концепция, хронология, методология исторических исследований по Кавказу. После выселения карачаевцев, балкарцев, крымских татар перед учеными была негласно поставлена задача – стереть с политической карты Северного Кавказа наказанные Сталиным народы. Однако и сегодня мы

свидетели того, что официальная наука продолжает игнорировать существование и активное влияние на исторические процессы Северного Кавказа, Юга России, да и Закавказья предков современных северокавказских тюрков.

В федеральных учебниках по истории народов России кумыкам, карачаево-балкарцам, ногайцам отведено, в лучшем случае, несколько абзацев, содержание которых не выдерживает малейшей критики. Не лучшим образом представлены они и в региональных изданиях. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что вопрос профессиональной подготовки специалистов-историков остается открытым сегодня. Но как писал Басият Шаханов сто лет назад, пока сами балкарцы молчат, не балкарцы пишут о них все, что им заблагорассудится.⁷⁷

Ввиду отсутствия полномасштабных разработок гражданской истории тюркских народов Северного Кавказа, всем, кто занимается научными проблемами национальной культуры и литературы, приходится искать и находить историческое объяснение многим очевидным фактам этнической близости карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев на уровне духовной культуры. А их великое множество. Простое перечисление этих фактов заняло бы не один том.

Прежде всего, это – языковая близость. Никто специально не занимался статистикой, но основной лексический пласт языка трех народов идентичен. Карачаево-балкарцы, ногайцы и кумыки понимают друг друга без переводчика. Трудно сегодня сказать, когда началось самостоятельное этническое существование названных народов, но, если судить лингвистическому материалу, это произошло не в очень отдаленный период истории, возможно, позже распада государства Золотой Орды. Об этом говорит весь комплекс духовной составляющей названных народов.

Фольклорный материал дает нам право с достаточной степенью уверенности говорить о типологическом единстве, как в плане одинакового жанрового состава, но и очень близкого по содержанию. Устное народное творчество карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев представлено героическим эпосом («Нарты», «Эдиге», «Минкюллю»), сказками, историко-героическими песнями, несказочной прозой, детским фольклором, лирическими песнями, лирико-философскими раздумьями, малыми жанрами – загадками (у балкарцев – элбер, у карачаевцев – элберген джомакъла, у ногайцев – йомакла, у кумыков – чечеген ёмакълар), пословицами (у карачаево-балкарцев – нарт сёзле, у ногайцев – макалалар, у кумыков – аталар сезлери), поговорками (у карачаево-балкарцев – айтыула, у ногайцев – айтыувлар, у кумыков – айтывлар), благопожеланиями (у карачаево-балкарцев – алгышла, у ногайцев – алгысла, кумыков – алгышлар), проклятиями (у карачаево-

балкарцев – кьаргьышла, у ногайцев – каргысла, у кумыков – кьаргьышлар) и т.д. детский фольклор карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев (жанры которого достаточно консервативны и архаичны) содержит много идентичных произведений – Шатман, Шертмен, Озай (новогодние колядки), Кьакь-кьакь, кьаргьала (стихи о вороноах), стихи о котенке, басня (Волк и Барсук» и т.д. Детские познавательные прибаутки о строении человеческого тела – пальчиков, рук, ладони, ног, лица имеют также одинаковые семантические и лексические компоненты.

Духовная общность трех народов прослеживается, начиная с архаичных жанров фольклора. Это трудовые песни (нужно отметить, что очень близки по звучанию названия песен этого цикла – Гюдюрбай – Ындырбай – песня молотильщиков пшеницы, Ийнай – Ананай – песня жниц...), и магические тексты, сказочный эпос, и паремии.

Песни. Сказки и легенды карачаево-балкарцев содержат множество параллелей с ногайским героическим эпосом «Эдиге. Эпические сказание об Эдиге (Идиге) бытуют у всех тюрских народов России и стран СНГ (ногайцев, татар, башкир, каракалпаков, узбеков, киргизов, казахов, барабинских и омских татар, крымских татар), история которых так или иначе была связана с Золотой Ордой.

Многие мотивы эпоса встречаются в кумыкском и карачаево-балкарском фольклоре. В зачине «Эдиге» говорится о чудесном рождении героя и таком же происхождении его отца Кутлу-Кая и деда Баркая. Баркая был рожден девушкой, забеременевшей при вдыхании белого порошка, в который был превращен, найденный пастухом – отцом девушки, череп. Это сюжетная линия была записана в конце 19 века в Хуламе Н.П. Тульчинским и опубликовано в «Терском сборнике» в 1903 году как самостоятельная легенда «Происхождение Аксуек». И в эпосе и в легенде совпадают все составляющие части повествования. В балкарской легенде надпись на черепе гласила: «при жизни моей обладатель погубил сто душ». В эпосе «Эдиге» говорится, что обладатель черепа погубил 10 тыс. душ, надпись на черепе зловеще предупреждает, что погубит сорок человек. Предсказания обеих надписей сбываются также при схожих обстоятельствах. Обращает на себя внимание примечание Тульчинского к названию легенды – «В прежнее время горские таубии также именовались «ак-суек» (ак-белый, суек-кость)». Белая кость, оставшаяся после попыток сжечь череп, в балкарской легенде имеет двоякий смысл, как сакральный предмет и как предтеча балкарских князей. Этот небольшой общий эпизод эпического сказания и легенды указывают на этногенетическую общность ногайцев и карачаево-балкарцев.

Второй по значимости эпос ногайцев «Шора сын Нарика». Мотивы данного эпоса встречаются в сказочном и песенном фольклоре карачаевцев и балкарцев. Существовал и самостоятельный его поэтический вариант, о чем свидетельствует запись фольклориста Махмуда Дудова 1952 году от Абаева Хаджимырзы.⁷⁸ Этот текст один из самых хорошо сохранившихся вариантов ногайского эпоса. Ему характерны полнота эпического повествования, в нем достаточно достоверно сохранились исторические реалии 16 века, когда в противостояние московского царства и Крымского ханства были вовлечены все народы региона. Эпос «Чора сын Нарика», записанный в карачаево-балкарской диаспоре, является одной из уникальнейших произведений карачаево-балкарского фольклора, как в отношении содержания, так и по красоте поэтического слога.

Ногайцы называют Эльбрус «Аскартау», что в переводе с ногайского означает «Снежная гора асов». Как пишет фольклорист А. Сикалиев, известный и своими историческими исследованиями, в этническом сознании ногай асы – это предки карачаево-балкарцев и ногайцев.

Аскартау встречается в качестве оронима и в кумыкской детской считалочке «Алты тав» - «Шесть гор»:

Ва алты тав, алты тав,
Алты агъан тюгюмлю?
Арасында Асхар тав,
Чинг улусу тюгюмлю?

Пер.:

О шесть гор, шесть гор,
Они разве не твои шесть дядек?
Между ними гора Асхар,
Разве она не самая большая?

В карачаево-балкарском фольклоре также имеется множество упоминаний о ногайцах. Автор монографии «Карачаево-балкарский героический эпос» М.Джуртубаев пишет: «Чаще других в эпосе встречается этноним «ногайцы», что в полнее понятно – ногайцы сыграли очень большую роль в истории Северного Кавказа».⁷⁹ Есть даже персонаж нартского эпоса Ногайчык, который «представлен в нем могучим батыром, намного превосходящим в мощи самого Ерюзмека...» (там же, 36 с.). ногайцы часто выступают как второстепенные герои сказок, легенд, песен и т.д. В некоторых произведениях, таких как легенда «Азнауур Жанхотов», - и как самостоятельные исторические персонажи. В ней говорится:

«Старший из ногайцев Шидак был дядей Азнаууру по матери».

В поэтической версии этой легенды есть строки:

О Азнауур! Азнаур!
Болмаз саурусхан,
Ногай байталланы таугъа сюре таусхан.

О Азнауур! Азнауур! Не будет сауруханом (?)
Истожил ногайские табуны, угоняя в горы...

Народная память хранит не только фрагменты эпических сказаний ногайцев, но и этногенетические предания о родстве с ногайцами и кумыками. Так, некоторые фамилии Чегемского ущелья считаются выходцами из Ногайя, а князя Безенги – Суююнчевы из Брагун кумыкских, князя Хуламского ущелья – Шакмановы – из Маджар. Существуют и документальные подтверждения этнического родства князей Чегемского ущелья и ногайцев. Ученым-этнологом Б.Х. Кучмезовым в ЦГАДА обнаружено обращение Чегемских таубиев к царской администрации, в котором говорится о том, что они издревле происходят из Большого Ногайя. Надо сказать, что антропометрические признаки этого родства среди чегемцев можно наблюдать и сегодня.

Этническая близость и общность истоков нашли отражение и в современной литературе. Старейшина ногайской литературы Солтан Суюнов в стихотворении, посвященном родству Балкарии и Ногайя, - «Близнецы», пишет:

Брат мой балкарец!
Мы вышли из одного чрева.
Наши кони бежали вместе
От кургана к кургану...
В одно время, в один час
Вся страна была разрушена
Его постигло горе,
Вековые дубы погнулись,
Гордость была затоптана,
Словно ударом молнии
Были рассечены на двое...
Балкарцы и ногайцы долгие века
Были вместе
Но, выйдя из одного корня,
Не смогли потом встретиться.
(подстр. пер.)

в этом стихотворении-балладе содержится информация, что ушедшая из Нагайя часть народа была поселена на берегу Жылгы. В Балкарии есть две небольшие речушки с таким названием, одна из которой находится именно в Чегемском ущелье.

В более поздних фольклорных произведениях упоминания о ногайцах и кумыках встречаются крайне редко. Другое дело – авторские произведения. Начиная с 1903 года – времени издания книг на кумыкском языке получили признание наравне с Дагестаном. Имена и произведения Абдурахмана Какашуринского, Абусуфьяна Акаева, Нухая Батырмурзаева органично вписались в карачаево-

балкарскую духовность. Карачаево-балкарскими авторами было написано множество стихов религиозного содержания, переводных и оригинальных, навеянных этой литературой.

Мы привели небольшой перечень примеров, иллюстрирующих единство нашей культуры, нашу историческую общность. Они дают достаточно оснований говорить о едином этногенетическом стволе, от которого отпочковались карачаево-балкарцы, кумыки и ногайцы и необходимости коллективных усилий ученых карачаево-балкарцев, ногайцев и кумыков а исследовании проблем этногенеза.

М.Ч. ДЖУРТУБАЕВ (п.Хасанья)

«Скифский рассказ» Геродота в свете карачаево-балкарских параллелей

Литература, посвященная этому древнему народу, поистине необъятна. Велик и объем того, что написано о скифах Причерноморья древними греками и римлянами. И вот уже два столетия, почти вся историческая наука Европы и России уверенно именуется скифов, сарматов (савроматов) и алан североиранцами, а упомянув алан, каждый историк добавляет в скобках «предки современных осетин». Создается впечатление, что это один из немногих случаев, когда все исследователи единогласят. Диссонанс вносят только некоторые карачаево-балкарские ученые (в их числе и автор этих строк) и некоторые языковеды из Татарстана и Азербайджана, доказывая, что скифы, сарматы, саки, массагеты и другие древние насельники Великой степи были тюрками, приводя при этом несколько сот ясных и простых фактов и аргументов. Но ученый мир на это никак не реагирует, а если кто-то и откликается, то большей частью снисходительно - не стоит, мол, огород городить, все уже давно доказано, а вы, ребята, просто заблуждаетесь. Или - злонамеренно искажаете историю. Или - вы хотите придать больше блеска тюркской истории. Или - это просто фольклор-история, не имеющая к науке никакого отношения. Что же остается делать? Только одно - приводить эти факты снова и снова.

Скифо-сарматы жили на тех же территориях, где после них жили гунны, авары, печенеги, половцы и др. - от Дуная до Волги (или до Урала) и от полосы лесов до гор Кавказа. Занимались скотоводством, а следовательно, заключает наука, были «кочевниками». Совершали походы в Переднюю Азию, доходя до Египта. Не излагая их историю по Геродоту, будем следовать за известиями древнего автора (перевод Г. А. Стратановского). Большая часть скифо-карачаево-балкарских этнокультурных параллелей, приводимых ниже, была нами опубликована в

предыдущих работах - «Древние верования балкарцев и карачаевцев», (1991), «Карачаево-балкарский героический эпос» (2004), «Душа Балкарии» (1997). Здесь мы по большей части даем лишь краткий пересказ. Начнем с легенды о происхождении скифов:

«Скифы говорят, что их народ моложе всех других и произошел следующим образом: в их земле, бывшей безлюдной пустыней, родился первый человек, по имени Таргитай; родителями этого Таргитая они называют, по моему мнению неверно, Зевса и дочь реки Борисфена. Такого происхождения был по их словам Таргитай, а у него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший, Колаксай. При них упали с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Старший из братьев, первым увидев эти предметы, подошел ближе, желая их взять, но при приближении золото воспламенилось. По его удалении подошел второй, но с золотом повторилось то же самое. Таким образом золото, воспламеняясь, не допустило их к себе, но с приближением третьего брата, самого младшего, горение прекратилось, и он отнес к себе золото». Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство». По словам скифов, от времен Таргитая до нашествия на Скифию войск персидского царя Дария прошло не более тысячи лет.

Комментарии наши таковы. Скифы воевали со многими народами древности – ассирийцами, мидянами, персами и т.д. В надписи царя Ассархаддона говорится о царе страны Ишкуза (по другому чтению - Ашкуза, Аскуза). Никто не сомневается, что речь идет о скифах. И.М. Мизиев сопоставлял это слово с названием тюркского народа ас-кизи или ас-киши, что означает «асские люди», ставя его в связь с сообщением средневекового арабского историка Ибн-Саида: из народов Кавказа самым западным был народ коса (косоги русских летописей), далее к востоку жили аркеши (азкеши), абхазы и аланы (Мизиев, с. 41-42).

Перед нами вроде бы очевидное противоречие: тысячелетний народ считает себя моложе всех. Но это результат народной этимологии Аш-куз или Яш-куз на всех тюркских языках означает «молодое племя, молодой народ». Куз — вариант общетюркского термина «кур, гур, гурт, кор, корт, курт, журт», означающего, «объединение, место обитания, народ, племя»; другой термин - «эль» - в карачаево-балкарском означающее «село; страна; общество; народ»). Восходит термин «кур, куз» к «окъ къур, окъ къуз - огъур, огуз» - «объединение родов». Ср. тюркские этнонимы - огузы, оногуры, гузы, кутригуры, уйгуры, и др. (Чередование р-з в окончаниях тюркских слов - хорошо изученное явление). Можно предположить, что на вопрос Геродота о значении этнонима Ашкуз, его информаторы ответили: «Молодой народ».

Имя родоначальника скифских царей - Таргитай - Макс Фасмер объяснил из иранского «дарга тава» - «долгомошный» (Абаев, с. 185). Но вернее будет производить его от тюркского «тарги, тагри» - небо, небесный, и «тай» - сходиться, нисходить - «сошедший с неба», поскольку его отцом являлся скифский бог, которого Геродот именует Зевсом. Но слово «тай» содержится и в слове «тайпа» - племя (откуда, например, выражение «тиши тайпа» - «женское племя»); поэтому возможное значение имени Таргитай - «небесного рода, небом рожденный». Кроме того, имя скифского первого царя полностью соответствует имени посла аваров к византийскому императору - Таргитий (у Феофилакта Симокатты). Почти такое же имя носила меотийская (майотийская) царица - Тиргатао.

Имена сыновей Таргитая В. И. Абаев объяснял также на основе иранского: «Все три имени заключают во второй части иранский корень «хшай», означающий «сиять», «блистать», а также «властвовать», «повелевать». Арп - осетинское «арф» (глубокий); «Глубина-царь». Имя третьего сына Колаксай ученый восстанавливает в Хораксай, из «Хвархсайа» - Солнце-царь. Имя второго брата В.И. Абаев тогда восстановить не взялся, поскольку непонятен был элемент «липо» (Абаев, с. 242-243). Но позже его исправили на «рипа» (гора) и появилось толкование - Гора-царь. Итак, появились три царя - Глубина, Солнце и Гора, якобы олицетворяющие трехчастное деление мира - вверху Солнце, внизу водная глубь, между ними - гора. Непонятно, правда, почему олицетворения столь великих явлений должны быть сыновьями Таргитая - «Долгомошного», сына скифского небесного божества и дочери реки Борисфен. Тогда уж точнее было бы именно его назвать Горой - между небом и водой. (Кстати, тюркское «тау» или «тай» как раз и означает «гора» - Ала Тау, Алтай и т.д. Возле Махачкалы, в земле кумыков, стоит гора Таркитай). Любому христианину известна формула: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Почему третья ипостась Пресвятой Троицы обозначена двумя словами? Ну да, конечно, это перевод греческого «агио пневматос». Но почему в греческом то же самое - не одно слово, а два? Так греки перевели арамейское (библейское) - «аруах, руах». Но арамейское ли это слово?

Согласно языческим воззрениям карачаево-балкарцев душа имеет семь сил-проявлений-ипостасей; одна из них называется «ах». Душа находится между плотью (сан) и духом, который именуется «ариу ах» - «ррёкрасный, чистый ах» (слово «ариу» имеет эти два значения). При слитном произношении и получается «Аруах», в праформе - «арук», позже «арув».

Но есть еще два синонима, также считающиеся семитскими по происхождению. Святой - «сыйлы». В тюркских языках в древности звука Ы не было. Слово образовано с помощью аффикса обладания

«-лы» от «сай», от которого образуются и сейчас слова со значением «избранный, почитаемый», но и «святой» — «шайых» или более позднее «шыйых». (В арабском «шейх» - глава племени, общины). Но прежде не было и кратких звуков У и Й, поэтому «сай» восходит к древнему «сак». Избранным, «сак, сай» должен был считаться и глава племени, царь.

Арпоксай, или по более позднему произношению, «Арухсай», таким образом, означает «духовный царь» - т.е. родоначальник жрецов. Липоксай - слегка искаженное «эльпек сай» - «изобилия царь», предок сословия крестьян, производителей материальных благ. Колаксай — от слова «кьолай» (восходящего к «кьолакь») - сила, «силы царь», родоначальник воинов, обладающих военной властью.

Речь идет об идеологическом обосновании разделения функций отдельных племен или сословий в скифском обществе. Поэтому Геродот и говорит далее о четырех (а не трех) племенах, произошедших от трех братьев. От Липоксая - авхаты. Термин этот в качестве личного имени сохранялся у карачаево-балкарцев до наших дней. Сейчас он стал архаизмом, но еще есть люди с отчеством Аухатович или Аухатовна. От Арпоксая произошли катиары и траспии, от младшего, Колаксая — паралаты. Мы не будем останавливаться на тюркской этимологии этнонимов — это потребует слишком много времени и места. Скажем лишь, что авхаты должны происходить от Арпоксая, брата-жреца, а одно из имен должно означать полностью несвободное племя (отец истории немного перепутал). То же самое отмечается в нартском эпосе балкарцев и карачаевцев. Род Аликовых-жрецы, Усхуртуковых-воины, Бораевы богаты имуществом.

«... общее же название всех их - сколоты, по имени одного царя; скифами назвали их эллины». Речь идет, по Геродоту, о главенствующем в Скифии народе - так называемых царских скифах; это, по его словам, «благороднейшие и многочисленнейшие скифы, почитающие прочих скифов своими рабами». Возможно, древний грек несколько исказил звучание термина, могло быть и «сколты». В любом случае, он находит себе простое и ясное объяснение с позиций карачаево-балкарского языка, в котором «схылты» означает «знатный, родовитый, аристократ». Оно восходит к слову «ызгылы» - наследственность, качество, полученное от предков (ыз - след), плюс аффикс обладания «-ты». (О человеке, беспрестанно и долго болевшем и умершем рано, говорят; «Не аман ызгылы бар эди» - Какая же плохая наследственность у него была). В праформе это слово звучало как «асгул, асхул».

Еще одно слово - «асыл» - родовитый, благородный. Но в карачаево-балкарском, как и в некоторых других тюркских, «ас» и означает «род» (ср. подразделения ногайцев - төрт ас «четыре

рода, жети ас - семь родов, этноним «къыргъыз» - от «къыркъ ас» - сорок родов и т. д.). До недавних времен карачаево-балкарцъг вместо нынешнего арабского «миллет» - нация, употребляли слово «аслыкъ» - букв, «асство». Спрашивали, не к какому «миллет» ты принадлежишь, а к какому «аслыкъ», к какому роду-племени. Карачаево-балкарское «асыл» и русское «родовитый» созданы по одной схеме; от «аслы» - «имеющий род». Но правящее в стране племя и должно было называться «схолту, схулту» - наследники (Таргитая), знатные, родовитые.

(К сожалению, не только рядовые читатели, но и люди, считающие себя специалистами, путают тюркское слово «ас» с заимствованным из арабского «ассы, гассы», с ударением на втором слоге и означающем «смутьян, противник». То, что эти слова не имеют между собой ничего общего, очевидно из простого примера. Человека, нарушающего религиозные нормы поведения или богохульствующего, одергивают: «Аллаха ассы болма» - Не становись противником Аллаха. В том же значении арабское слово употребляется в ногайском и чувашском).

Почему Геродот называет господствующих скифов «царскими»? Так они должны были называть себя сами, но тогда перевод был бы иным - «скифы-цари». Если же они просто приближенные к царю, то это не племя, а правящий клан. Но разве остальные не подчиняются царю, не являются «царскими»? Остается думать, что речь идет о лингвистическом недоразумении: этноним должен был содержать в себе (конечно, ложно) слово «царь». Такой этноним известен - барлас, барсил, базилы. Но это греку должно напоминать родное слово «басилеос» - царь. И действительно, господствующее племя скифов (у Геродота) — паралат, древняя форма этнонима «баралас, барлас». Звук «т» в окончаниях тюркских слов может изменяться в «с»: например, «къагъыт» - «къагыс» (бумага). Напомним, что согласно источникам, хазары, великий народ, вышел из глубин Барсилии. Основной тотем предков карачаево-балкарцев - барс. «Барс эль» - страна барсов. Этноним «барс улу» (ед. число) означает «сын барса, сын леопарда».

Теперь о золотых предметах, упавших с неба. На наш взгляд, язык или фольклор потомков причерноморских скифов должны были сохранить память о столь ярком и важном мифологическом воззрении. Но никто из ирановедов ничего подобного не обнаруживал. Зато в карачаево-балкарском языке параллель лежит прямо на поверхности, точнее, на небе. Названия созвездий имеют окончания мн. числа (-ла, -ле), показывая, что это название не одной звезды, а группы.

Созвездие Малой Медведицы называется Мырытла - от «мырыт» - сошник, лемех. Созвездие Ориона, конфигурация которого напоминает обоюдоострую секиру, так и называется -

Гидала. Гида - обоюдоострый боевой топор, верхнее лезвие у него меньше, чем нижнее. Созвездие Северной Короны - Чемючле или Чарала, «чаша». Границы созвездий в народной астрономии разных этносов совпадают не всегда. Не совпадает с созвездием Весов и группа из шести звезд, которую карачаево-балкарцы называют Боюнсала - «ярмо».

Геродот пишет далее: «Вышеупомянутое священное золото цари их очень ревностно охраняют и ежегодно чтут богатыми жертвами. Кто с этим священным золотом во время праздника заснет под открытым небом, тот, по словам скифов, уже не проживет года; поэтому ему дается столько земли, сколько он сам объедет на коне в один день. Так как страна была обширна, то Колаксай разделил ее на три царства для своих сыновей».

Откуда такое странное поверье и почему уснувшему (при охране священного золота) на празднике, когда его выставляли на обозрение народу, давалось именно столько земли?

Дело в том, что каждое из этих созвездий характерно для вида неба в определенное время года, кроме Малой Медведицы, созвездия околополярного, одинаково хорошо видного круглый год. Орион (Секира) характерен для осеннего неба, Весы - для весеннего, а Северная Корона - для летнего. Четыре созвездия, следовательно, символизировали годичный цикл на небе, как 4 золотых предмета - скифские, сословия на земле (чаша - священный предмет жрецов, секира - воинов, плуг - крестьян, ярмо - рабов). Поэтому-то и считалось, что человек, уснувший при охране этих предметов, не проживет и года. Но что это был за праздник и когда его отмечали?

Важнейших праздников в жизни доисламских карачаево-балкарцев было три, и все три связаны с важнейшими точками движения Солнца по небесной сфере. В дни летнего солнцестояния отмечали праздник Элии, небесного покровителя грома и молнии («элия» означает «молния»). В дни осеннего равноденствия - праздник в честь бога ветра и войны - Эрирея, Эрея. В дни весеннего равноденствия - начало Нового года и праздник Голлу, умирающего и воскресающего божества, на который нужно было приходиться без оружия, на котором отменялись все сословные различия, проводились состязания и т.п. Это был праздник карнавального типа, основанный на символическом понимании жизненного процесса - жизнь начиналась снова с воскресением солнечного божества, всадника в золотой шубе и на белом коне, которое восходило в небеса победителем тьмы и холода. Тогда же приносили в жертву специально откармливаемого быка, символ зимних холодов. По тем же причинам не было праздника во время зимнего солнцестояния, когда божество-солнце умирало в схватке с тьмой, чтобы появиться в новой силе и славе в середине марта.

Отсюда же празднование «дня вставания нартов» (нарт къопхан), на самом деле - «вставания нара», солнца, из зимней могилы, отмечавшегося в те дни, и поминки по предкам (Джуртубаев, 1991).

Следует думать, что все три праздника первоначально посвящались только Голлу-Солнцу, отмечая важнейшие точки его небесной жизни и смерти, и лишь потом два других дня были «отданы» Элие и Эрирею. В древности слоги в тюркских языках были закрытыми. Поэтому теоним Голлу (означающий «огненный, пламенный») должен был произноситься по-другому - Голлук (как это сохраняется в некоторых языках (например, «ташлы, тасты - ташлыкъ, тастыкъ», «камень - каменистый»), т.е. речь идет о том же скифском обожествленном царе Колаксае' (Голлуксае) и празднике в его честь. (В последний раз он отмечался, по рассказам старожиллов, приблизительно в середине 19-го века). Потому и не имел права уснуть человек во время охраны священных предметов - ведь Солнце воскресло, а человек уснул, т.е. как бы умер, это знак его близкой, в течение года, смерти. Он должен был, подобно самому Голлу, завершить свой цикл, получить столько земли, сколько сможет объехать на коне за день. Возможно, существовал и миф, рассказывающий о жизни и смерти небесно-земного царя (возможно, он сохранился).

Но причерноморские эллины рассказывали и другую легенду о происхождении скифов. По их словам, когда Геракл прибыл в Скифию, его застала вьюга, и он заснул, закутавшись в шкуру льва, а проснувшись, обнаружил, что кони его пропали. В пещере он увидел странное существо - полу-деву, полу-змею, которое сообщил ему, что кони находятся у нее, но она отдаст их только после того, как богатырь вступит с нею в связь. Герой вынужден был согласиться. Существо родило от Геракла трех сыновей - Агафирса (Агатирса, Акацира), Гелона и Скифа. Уходя, Геракл велел полудеве-полузмее, когда сыновья вырастут, устроить испытание. Кто из них сможет натянуть его лук и опоясаться его поясом с золотой чашей на пряжке, должен был получить во владение эту страну, а другие из нее удалиться. Справился с заданием только Скиф. С тех пор его потомки носят на поясе чашу.

Анализ этого сказания занял бы слишком много времени и места. Отметим только важнейшее:

1. Кого из скифских героев Геродот именует Гераклом, неизвестно. Имя Геракла не поддается этимологии на материале греческого. Неуверенно объясняют его как «слава Геры». Но ведь Гера, жена Зевса, всю жизнь допекала героя, ревнуя мужа к его матери Алкмене. Почему он должен был носить такое имя? Оно странно близко имени эпического богатыря южных тюрков - Кер-оглу, Кер-огул.

2. Мотив пропажи коней героя есть в карачаево-балкарской сказке «Завистливые братья». Герой находит их, но табун окружен змеями, которые соглашаются отдать их, только если он женится на девушке из их племени (МХЖ, т. 2, с. 14-22).

3. Одним из самых популярных в нартском эпосе карачаево-балкарцев является сюжет о женитьбе богатыря Алаугана (Алагуна, носящего, кстати, барсовую шкуру (къаплан тери) на чудовище, девушке-ёеликанше, живущей в пещере. Их сын стал непобедимым героем по имени Карашауай. По одному из вариантов, отца великанши зовут Кючсадакъ - «туголукий». Вполне вероятно, что все это - отзвуки древней скифской легенды, оставшиеся в карачаево-балкарском фольклоре.

Рассказывая о соседях скифов, Геродот говорит о некоем племени одноглазых людей, по-скифски именуемых аримаспы; «арима» скифы называют единицу, а «спу» - глаз». В карачаево-балкарском языке «айырма» означает «особенное», «отдельное», «отличное от других», т.е. вполне можно допустить, что единицу (единичное) скифы называли именно так. По тому же типу и с тем же аффиксом образовано, например, числительное «жыйырма» - двадцать. Что такое «спу», неясно. По рассказу Геродота о племенах, соседних со скифами, наиболее отдаленными являются некие аргиппеи. Скифы, посещающие их, ведут с ними дела при помощи семи переводчиков. С карачаево-балкарского этот этноним переводится легко: «аргыпай» (ед. число) означает «отдаленный, находящийся далеко».

Далее Геродот перечисляет имена божеств, которым поклонялись скифы, называя им параллели в греческом пантеоне. Гестию, богиню домашнего очага, скифы называли Табити. Слово «таб, тып, дып, дыф» - огонь. От него образованы, например, слова «тыпыр» - очаг, «дып» или «дыф» - сигнальный костер на дереве, «тапанча» - пистолет, и др. «Иди, иде, ие» - хозяин, хозяйка (в тюркских языках категории рода нет) - «хозяйка огня». Ее же имя до сих пор звучит в женской клятве балкаров и карачаевков - «Тобады, ...» (мужчины этого слова никогда не произносят). Сходно имя языческой покровительницы домашнего очага - Тепена, Тыпана - «мать огня». В карачаево-балкарской мифологии божества-отцы и богини-матери составляют отдельный класс в ее обширном пантеоне (Джуртубаев, 1991). Скифы почитали Зевса, бога-громовержца, и Гею, богиню земли, называя их Папай и Апи. Несколько лет назад фольклористом Х.Х. Малкондуевым был записан текст заговора, призванного оберечь огороды от градобития:

Грубые сыновья Дыдай,
Ледяные камни Папая, -
Вы не бейте поля,

Не причиняйте вреда,
 Бейте в горный хребет,
 Он ледяной, и вы ледяные —
 Ударьте и разбейте его!
 (Джуртубаев, 1997, с. 21).

Дыдай - одно из имен матери ветра Химикки, ветры считались ее сыновьями. Грозное существо Бабай, которым до сих пор иногда пугают детей, вероятно, тот же Папай-громовец. Скифы считали себя потомками Таргитая и его сыновей, отцом же самого Таргитая был Папай. По этому поводу Геродот замечает: «Зевс вполне правильно, по моему мнению, зовется Папай». Почему историк подчеркивает правильность такого именованья? В тюркских языках «баба, бабай» означает «дед, предок», как и слово «туудукъ» означает «внук, потомок». Именованье божество дедом или предком, поскольку они считают себя потомками Папая, разумеется, было правильно. Память о скифском божестве сохранили и другие тюрки: чуваша называли бога грозы «Папай тура», волжские татары - «Папай тэнгере», оба в значении «бог- дед».

Богиня земли и супруга Папая - Апи. В большинстве тюркских языков «эбе, апа, апи, аба» означает «бабушка». Получается полное соответствие - супружеская чета богов-прародителей, дед и бабушка. Добавим, что в нартском эпосе балкарцев и карачаевцев родителями первочеловека - кузнеца Дебета являются бог неба и богиня земли (в одном из вариантов).

Аполлона, солярное божество, скифы называли Гойтосир. На наш взгляд, это искаженное «Кёй атасы» - «отец солнца», при слитном произношении Кёйтасы, Кёйтасыр («кюй» - гореть, пылать). Другой вариант - «Кюй таксыр» - «господин солнца» (термин «таксыр» сохранился в казахском).

Афродита Урания (Небесная) у скифов именовалась Аргимпаса. Тагри, тарги, тегри, тенгри - небо, небесный, бог; «анасы» - мать. (Т)Аргим анасы - с протетическим М - «мать неба». В карачаево-балкарском эпосе именно к ней является после вознесения на небо вождь нартов Ёрюзбек; она названа там Кёк Анасы - «мать неба». Посейдон, бог моря, назывался Фагимасад (или Тагимасад). Мы уже обращали внимание на сходство терминов «небо» и «море» в тюркских языках, в некоторых вариантах они почти идентичны: тенйиз (море) - тенгир (небо). Это вызвано представлениями древних тюрков о мире, как суше, со всех сторон окруженной мировым океаном (далай, тенгиз): море внизу (соленое) и море вверху (пресное, откуда и дожди). Тагимасад - искаженное «Тагрим атасы», «отец моря» (Джуртубаев, 1991).

И только скифскому богу войны Геродот не указывает соответствия и называет его, как и греческого бога - Арей. Вероятно, по той причине, что речь шла о божестве, имя которого у скифов

звучало точно также - Арей, Эрей. По нашему мнению, скифский Арей - это карачаево-балкарский бог ветра и войны Эрирей, которого, в краткой форме, часто именуют Эрей. Это имя происходит от архаического названия меча - «эрек, эрей», откуда и один из терминов, обозначающих дружинника, воина «эрейчи, ирейчи», букв, «мечник». В Черекском ущелье Балкарии находится местность Иричиле - «дружинники»; вероятно, когда-то там было место сбора и боевой подготовки молодых воинов. Неслучайно в одном из диалогов Лукиана скиф Токсарис говорит: «Клянусь мечом и ветром...» - поскольку Эрей являлся богом ветра и войны, и олицетворялся в образе меча. Позже к нему же обращались с гимном при молотье (ассоциативная связь битвы и молотье отразилась например, и в «слове о полку Игоревом»: «На Немиге снопы стелют головами, веют душу от тела ...»).

Всем божествам скифы совершали жертвоприношения одинаковым способом: связывали животному ноги, потом душили веревочной петлей, поворачивая ее палкой, и валили на землю, а задушив, сдирали шкуру, разделявали и варили мясо. Способ странный, но объяснение все же дать можно.

Древние относились к языку не менее, а более внимательно, чем мы, видя в нем дар богов. Понять смысл того или иного слова означало прочесть их волю, постичь их мудрость. Разумеется, это была народная этимология, породившая бесчисленное множество всяких поверий, обрядов и мифов. Этим и объясняется появление скифского обряда, и не только этого. Возможно, он имел весьма древнее происхождение, бытуя с той поры, когда в жертву приносили и диких животных. «Буу», от древнего «бук, бугъ», означает «олень», но и «душить»; «бугъ, бугъа» - бык.

Скифская земля, отмечает Геродот, бедна лесом, поэтому скифы, вложив мясо в котлы, «зажигают кости животных и на них варят мясо; если котла не окажется, то вкладывают мясо в желудки животных, подливают воды и зажигают кости»; «таким образом, бык сам себя варит, а равно и все другие жертвенные животные». Точно такие же способы применяли и иногда применяют и сейчас карачаево-балкарские пастухи.

Описан у Геродота и обряд жертвоприношения богу войны, чьи святилища находились в каждом околотке. Сооружались огромные курганы из связок хвороста, а наверху устраивалась четырехугольная площадка, с водруженным на ней старинным железным мечом. Каждый год привозили множество возов хвороста (по другим переводам Геродота - колючего кустарника), так как от непогоды сооружение оседало. Этому мечу ежегодно приносили в жертву рогатый скот и лошадей, а из числа пленников - каждого сотого мужчину, поливая меч его кровью. У убитых отрубали правые плечи с руками, бросали их в воздух и уходили.

Здесь описан целый комплекс верований, память о которых сохранилась в языке, мифологии и фольклоре карачаево-балкарцев. Из колючего кустарника святилище сооружалось потому, что в карачаево-балкарском языке оно именуется «чууана» (возвышение; отсюда, вероятно, и русское «чваниться», возвышать себя) - из «чугана»; но колючий кустарник - «чыгъана», от более древнего «чугъана». Кроме того, культ Эрирея имел, вероятно, и характер фаллического культа (скифским мечам, например, часто придавали сходство с фаллосом), поскольку «чук», скажем, в кумыкском языке, означает «фаллос»; по сей день у карачаево-балкарцев вместо этого слова как эвфемизм иногда употребляется «къылыч» - меч. Нынешнее слово «чуй» - гвоздь, происходит от «чук» - острие, острый; (отсюда, например, слово «чуукансакъал» - остробородый). Если добавить, что «чек» означает «поминание, поминки», картина станет достаточно ясной.

Почему скифы отрубали правые плечи жертв? Сюжетом основного мифа карачаево-балкарцев является жертвоприношение мифологического существа, «быка ветра» (жел ёгюз), мыслившегося оплодотворителем земли-коровы, поэтому он именовался еще «быком земли». Правая лопаточная кость этого быка, растерзанного при начале времен гигантским орлом, и стала сушей, на которой живут люди. С развитием мифологических воззрений произошло переосмысление. Жертвой, из тела которого был создан мир, стало представляться какое-то божество. Поэтому в карачаево-балкарском языке радуга называется «тейри къылыч» - «небесный меч», или «жанкъылыч» - «меч жизни».

Существует выражение, которое произносят при виде радуги: «Къылыч чыкъды - бий ёлдю» - «Появился меч (радуга) - значит, бог умер» (КБФДЗП, с. 314). Оно было записано в Карачае венгерским ученым В. Прёле. Именно этим мечом, по представления предков, и расчленили тело божества, чтобы сотворить мир. Холм-чууана у скифов символизировал мировую гору, на которой когда-то перво-орел терзал перво-быка. Но теперь на этой горе старинный меч был символом божественного меча, радуги. Пленник же символизировал принесенное в жертву божество, его отрубленное вместе с лопаткой плечо - ту же лопатку быка. Добавим, что лопатка именуется «жауурун, жауорун» - букв. «место души, место жизни», (подразумевалась и земля, суша). Отсюда же древний обычай тюрков, заимствованный многими другими народами, гадать по лопаточной кости жертвенного животного. Отсюда же обычай карачаево-балкарских воинов, после обряда посвящения, наносить на правую лопатку юношей знак креста. Об этом говорит, например, в эпосе о нартах их будущий глава Ёрюзмек. Завидев в ночной тьме горящие вдали костры, он не может сделать попытку объехать их из-за страха наткнуться на врагов, вспомнив, что у него на правой лопатке

крест и он дал клятву не отступать перед опасностью. Знак креста был выбран по тем же народно-этимологическим причинам. Дело в том, что слово «крест» (къач, жор) ложно присутствует в словах «къач» (присяга), «жортуул» (поход), «жора, чора» (воин), «жорукъ» (принцип), «жоралау» (посвящение). Удивительно, что согласно легенде, в роду Меровингов, первой французской королевской династии, настоящим Меровингом считался только ребенок, у которого при рождении под сердцем или на лопатке были родимые пятна в виде креста. Скорее всего, это отголосок тюркского обряда, занесенного во Францию аланами (Джуртубаев, 1991; Джуртубаев, 2004). Итак, смысл обряда заключался в том, что в самом начале года (а именно на новогоднем празднике в честь Голлу-Колакская, в дни весеннего равноденствия) совершался символический акт, повторялось то, что было в самом начале мира - жертвоприношение быка, пленника, (божества), чья кровь должна дать жизнь всему живому (в мифе после растерзания быка орлом начинается дождь). Весенний обряд жертвоприношения быка (или козленка) соблюдался в Балкарии и Карачае до конца 19-го века.

Поклонение мечу соблюдалось гуннами и аланами. Древние авторы писали, что они поклонялись «мечу Марса». Но с какой стати тюркские Должны были поклоняться мечу древнеримского бога войны? Здесь еще одно лингвистическое недоразумение. Мы уже несколько раз говорили, что главным тотемом карачаево-балкарцев являлся барс. У алтайских тюрков-шорцев «ала парс» или «ала марс» («пятнистый барс», в отличие от полосатого «жолбарс», тигра) - сказочное существо в образе кошачьего животного, которое изображалось на рукоятке шаманского бубна. У киргизов термин «албарс» означает «булатный меч», по причине того, что на рукоятках таких мечей изображались барсы (Ахметьянов, с. 16). На рукоятке меча нарта Чюелди изображены были барс и лев. Такому мечу и поклонялись гунны и аланы. Древних авторов ввело в заблуждение сходство слов «Марс - барс». (Кстати, неслучайно на гербе г. Алма-Ата изображен барс, как и на гербе Татарстана; это животное было некогда общим тотемом северных тюрков).

Ученые отмечали, что по-видимому, культ Арея не греческого происхождения, и в олимпийской религии занимает второстепенное место; в Троянской войне он участвует на стороне троянцев, а не тревков.

Далее Геродот сообщает, что скифы снимали со своих врагов скальпы, очищали и держали у себя в качестве утиральников. Весьма странное употребление. Но в карачаево-балкарском языке плат, платок - «жаулукъ»; но точно так же звучит слово «вражда» - «жаулукъ»; «жау» - враг, противник. Полотенце - «жам жаулукъ» (букв, «волосатый, шерстистый платок»). Народная этимология соединила в одном семантическом поле несколько значений, что и

привело к странному употреблению скальпов»(Из карачаево-балкарского языка объясняется и распространенный в прошлом на Кавказе обычай: если женщина бросала между двумя кровниками или даже отрядами, готовыми вступить в бой, свой платок, схватка откладывалась; бросая наземь платок - «жаулукъ», она бросала вражду - «жаулукъ»).

Другие скифы обтягивали кожей с правых рук убитых неприятелей свои колчаны. Слово «колчан» в русском заимствовано из тюркского; в казанско-татарском, например, этот предмет называется «кълчан, кълчан» (Фасмер, т. 2, с. 298). Но в термине содержится слово «къл» - рука. Правая - «онг», но это же слово означает «сила, мощь, возможность». Скиф, обтягивая свои колчан кожей с правой руки врага, надеялся перенять его силу.

Иногда, спилив верхнюю часть черепа врага, скифы обтягивали ее простой или позолоченной кожей, и употребляли вместо чаши. В карачаево-балкарском языке черепная коробка человека называется «баш чирча» - букв, «чаша головы» (чирча - одна из разновидностей чаш).

Гадают скифы, раскладывая на земле ивовые прутья. Почти такой же способ гадания был записан мной у знатока народного быта Непеева Л.И. из селения Эльбрус. Брели 9 или 12 прутьев кустарника, называемого «сипи» и гадатель, держа их в руке, предлагал вытянуть один из них, а потом, раскладывая их, произносил прорицание.

Другой способ заключался в том, что гадатель разрезал липовую кору на три полоски, и то сплетая, то расплетая их, выносил прорицание. У карачаево-балкарцев гадали по шерстяной нити. Складывали ее несколько раз, образуя кольца, потом продевали в них конец нити, и дергали за оба конца. Характер прорицания зависел от количества образовавшихся узелков, или их отсутствия или нить осталась цела или порвалась и т.п.

Гаданием у скифов занимались женоподобные мужчины, которые назывались «энареи». Обычно сопоставляют это слово с иранским «анарья» - «немужчина». Но Геродот все же говорит о мужчинах, пусть и женоподобных. В карачаево-балкарском языке есть слово «киширий» - «мужеподобная»; от «киши» - «мужчина» и уподобительного аффикса «-рий». В большинстве тюркских языков слово «эне» означает «мать, женщина». «Энерий» как раз и является парным по отношению к первому термину (киширий) - «женоподобная».

Эти энареи утверждали, что искусство мантики было даровано им Афродитой. В карачаево-балкарском эпосе говорится, что гаданию людей научила Сатанай-бийче, «мать нартов», воплощение мудрости, богиня луны («сатан ай» - ясная луна; «бийче» - богиня).

Незадачливых гадателей, если они давали царю ложные пророчества, сжигали на телегах, запряженных волами, завалив их хворостом и погоняя быков. Перед этим им связывали руки и затыкали рты, но некоторые все же ухитрялись спастись. В карачаево-балкарском языке слово «обур» имеет несколько значений «вещий, мудрый, оборотень, шаман». Есть поговорка: «Обур күймей танылмаз» - Обур не распознается, пока не сгорит (или «не обгорит»). Вполне возможно, что это было не наказание, а испытание: сумеет гадатель спастись - значит, он настоящий прорицатель, нет - туда ему и дорога. Арба, арбакъ - телега, «арбах, аруах» - дух. «От» - архаическое слово, означающее «бык», но его основное значение - «огонь». Таким образом, обряд сжигания прорицателей опирается на словосочетание «от арбах», которое, с одной стороны, означает «огненная телега», а с другой - «огненный дух»: третье значение «телега, запряженная быками».

Царские гробницы находились в местности Герры, до которых, как говорит Геродот, Борисфен (Днепр) судоходен. «В районе Днепровских порогов расположены наиболее знаменитые скифские царские гробницы» (Авдусин, с. 154). В карачаево-балкарском языке «кёр» - могила; «гера» - слоистые скалы. В знак траура по царю скифы отрезали себе часть уха. Здесь «отец истории», вероятно, преувеличил. Не в столь отдаленном прошлом карачаево-балкарцы в знак траура надрезали себе мочку уха. Отразилось это и в фольклоре. Так поступает ногайский князь, двоюродный брат, героя средневековой песни Азнаура Жанхотова, поневоле оказавшись виновным в его гибели. Герои другой старинной песни, два брата-набежника, Бекмурза и Кайсын Айдаболовы, попав в засаду и решив сражаться до конца, в знак траура друг по другу надрезают себе мочки ушей. Причины появления обычая пока неясны.

Вокруг царской могилы скифы устанавливали пятьдесят чучел коней, вычистив их внутренности и наполнив мякиной (может быть, и соломой). Худая, замороженная лошадь, кляча называется в карачаево-балкарском «салам алаша» - букв. «соломенный мерин».

Один из скифских царей пожелал узнать численность своих подданных. Для этого царь повелел каждому принести по наконечнику стрелы. Наконечников оказалось огромное количество. Закончив подсчет, он захотел оставить по себе памятник. Груды наконечников переплавили и отлили громадный котел вместимостью в 600 амфор, толщина стенок его равнялась шести пальцам. Котел установили возле источника с горькой водой, в местности Экзампей, что означало «Святые Пути».

Почему надо было принести именно наконечники, а не, скажем, камешки или деревяшки? Дело в том, что в карачаево-балкарском языке слово «окъ» имеет три значения - стрела; пуля; род, потомство.

Старики из Черекского ущелья рассказывают о гигантском котле, некогда стоявшем на усадьбе князей Абаевых, в селении Верхняя Балкария. Вот что говорил А.И. Османов (1913-1970, проживал в г. Нальчике), услышав это от своего деда Омара: «В давние времена возле скотного двора Абаевых стоял огромный медный котел. В нем содержались большие овцы, числом не более десяти. Котел назывался «Тайпокъ казан». Его потом распилили для изготовления домашней утвари».

Помещая в котле больных овец, видимо, полагали, что котел обладает какой-то исцеляющей силой. Если мы допустим, что речь идет о другом, нескифском котле, нет ответа на вопрос: какая была необходимость, при дороговизне металла в горах, тратить его на изготовление такой громадины? Кроме того, котел вошел в поговорку. Ее вспоминают, когда хотят подчеркнуть величину какого-либо предмета: «Абайланы Тайпокъ къазанларыча» - «Как Тайпокъ-къазан Абаевых, в котором 9 (или 12) овец получали корм». (Потом оказалось, что поговорка была опубликована в сборнике пословиц и поговорок еще в 1963 году, но никто не обратил на нее внимания).

Название котла убедительно показывает, что речь шла именно о котле скифов. «Тайпа» - племя, «окъ» - стрела; когда слово обозначает собирательное множество, оно ставится в ед. числе. «Къазан» - котел. Все словосочетание, в полном согласии с грамматикой, означает «котел из стрел племени». Если бы эта святыня не принадлежала предкам карачаево-балкарцев, его название не переводилось бы с их языка так просто и в полном согласии с тем, что сообщал Геродот. Вероятно, позже, потомки скифов, оттесняемые к горам, перевезли реликвию предков на Кавказ. Когда она попала в Черекское ущелье, сказать невозможно. Но он и тогда должен был казаться им святыней - если учесть трудности, сопряженные с доставкой такой машины в труднодоступное верховье горной реки.

Что касается названия местности, означающей «Святые Пути», то его разъяснение затруднительно. Весьма вероятно, что Геродот его искажил; но по частям оно почти совпадает с тремя карачаево-балкарскими словами, если читать как «Ызкампай». «Ыз» - след, тропа; «кам» - река, «пай, бай» - бог, божественный, священный. Получается «бог путеводной реки».

Количество простых и ясных скифо-карачаево-балкарских параллелей очень велико и не ограничивается сведениями Геродота. Здесь мы укажем вкратце еще только некоторые из них.

Наивысшего могущества Скифия достигла при царе Атее. При нем начали чеканить монету, стала расширяться территория. Активная политика Атея натолкнулась на сильное противодействие со стороны быстро набиравшей силу Македонии. Конфликт привел к войне. Македонией тогда правил Филипп, отец будущего великого

полководца Александра. В битве, разыгравшейся где-то на берегу Дуная, Атей, которому в то время, по мнению греческих авторов, было 90 лет, сам повел войско в сражение и погиб. Скифы, дотоле считавшиеся непобедимыми, потерпели поражение. Справедливо думать, что такое событие должно было оставить свой след в истории и памяти народа, являющегося потомком скифов, отложиться в его фольклоре, пусть и несколько измененном виде слишком много времени прошло с той поры (по традиционной хронологии, битва произошла в 339 году до н.э.).

Огромная удача выпала на долю писателя А.М. Тепеева. В 1975 году он записал от восьмидесятилетнего Ибрагима Чотчаева из селения Учкекен Карачаево-Черкесии эпическую «Песнь о князе Ачее», и опубликовал ее в журнале «Минги Тау» (в 1987 году), полагая, что речь в ней идет о периоде борьбы карачаево-балкарцев с экспансией Крымского ханства на Кавказе.

Содержание песни вкратце таково. На карачаево-балкарские селения со стороны Крыма надвигается грозный враг. Вестники один за другим мчатся к старому князю Ачею, от слабости возлежащему на одре. Но, услышав весть о беде, старый князь встает с постели и велит седлать вороного аргамака. В верховьях какой-то реки Ачей держит совет со своими приближенными, а затем ведет свои войска в бой. Далее в песне говорится, что войско Атея отстояло свою землю, враг дальше не продвинулся, но князь погиб от вражеской стрелы. Разумеется, эта песня

- составная часть карачаево-балкарского нартского эпоса.

В тексте упоминается сын Ачея - Ачемез. Оба они входят в число главных героев карачаево-балкарского эпоса о нартах. Но в фольклоре балкарцев и карачаевцев есть и другой Ачемез, персонаж не нартской, а историко-героической песни. Идентичность имен часто вводила в заблуждение сказителей. Часто, но, к счастью, не всегда. Вот что говорится в одном из вариантов песни о герое исторической песни:

Какая горесть одолела бы нас,
Если бы были живы
два сына батыра Темиркана?

Эй, молодцы, если спрашиваете,

Кто эти два сына Темиркана,

То это Ачемез и Азнаур.

Далее в песне говорится об убийстве Ачемезом крымского наместника за покушение на честь его жены, и битве, которая последовала за этим. Никакого Ачея в исторической песне нет. Следовательно, героя этой песни, жившего, вероятно, в 16-ом или 17-ом веке, звали Ачемез, сын Темиркана, в отличие от героя древней нартской- (скифской) песни — Ачемеза, сына Ачея. К тому же у нарта Ачемеза брата не было, в то время как брат средневекового героя - Азнаур - упоминается в песне несколько раз.

Во-первых, отметим полное сходство имен героя народной песни о старом князе и скифского царя - Ачей, Атей. В греческом языке не было букв для обозначения шипящих, поэтому Ч заменено на Т.

Во-вторых, оба, Ачей и Атей - глубокие старцы, В-третьих, тот и другой сами руководят войсками, сами ведут их в бой, и тот и другой погибают в сражении. В-третьих, у Ачая только один сын, как и у скифского царя он был один. В-четвертых, сражение происходило в истории у реки, в народной песне - тоже. В-пятых, имя Ачей перешло у карачаево-балкарцев в разряд архаичных, но до сих пор есть люди с отчеством Ачеевич или Ачеевна.

Но имеется и другой интересный факт, подтверждающий сказанное. Во времена Атея скифы взяли в-плен знаменитого греческого флейтиста Исмения. Его искусство понравилось скифам, но сам Атей сказал, что предпочитает слушать ржание коней. Видимо, скифы еще не знали этого инструмента: когда у знаменитого скифского мудреца Анахарсиса спросили в Греции, есть ли у скифов флейтистки, он ответил: «Даже лозы нет», - чтобы веселиться под музыку флейтисток, нужно выпить вина.

Знакомство с игрой на флейте должно было иметь последствия, скифы могли перенять инструмент и его название. На наш взгляд, именно поэтому в карачаево-балкарском языке свирель называется «сирийна» - от греческого «сиринга, сюрингс» - флейта, свирель. И заимствование, вероятно, произошло как раз во времена царя Атея.

Конечно, фольклор, как и всякое живое явление, претерпевает изменения. Многое было забыто и переосмыслено. Вместо македонцев и их полководца в нартской песне появились крымцы и их безымянный хан, а само действие было перенесено на Кавказ. (Подробно об этом сюжете см.: Джуртубаев, 1997).

В заключение хотелось бы отметить, что широко распространенное ныне мнение об ираноязычности скифов и алан, как и их собратьев на востоке Великой степи, неизвестно куда и неизвестно как исчезнувших, не имеет под собой никакой почвы. История этих племен и народов - это древняя история тюрков, о чем красноречиво говорят как приведенные выше параллели, так и сотни других аргументов и фактов.

Использованная литература:

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М- Л., Изд. АН СССР, 1949

Авдусин Д. А. Основы археологии. М, Высшая школа, 1989

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., Наука, 1981

Геродот. История. М. Ладомир, 2002

Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991

Джуртубаев М. Ч. Душа Балкарии. Сборник статей. Нальчик, 1997

Джуртубаев М. Ч. Карачаево-балкарский героический эпос. М., Поматур, 2004

Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях (КБФДЗП). Нальчик, 1983

Малкъар халкъ жомакъла (МХЖ). Нальчик, 1963

Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986

Славянизмы в карачаево-балкарском языке

Первые упоминание тюркскими народами о Руси (руссах, росах, русских) следует искать в фольклоре. И тут, прежде всего, обращает на себя внимание карачаево-балкарский эпос «Нарты». Проблемы русско-тюркских связей представляет большой научный интерес. Как отмечалось ране, связи эти очень древние. Они не могут быть по настоящему осмыслены без привлечения материалов смежных наук, и в первую очередь истории, археологии, этнографии лингвистики. Серьезными недостатками предшествовавших исследовании данной темы была их однородность, признание влияние более развитой культуры на мене развитую, том, числе, и тенденциозный взгляд на многие и другие явления.

Карачаево-балкарский эпос во многом сочетается с эпической традицией тюрко-монгольских народов. Это выявляется при сравнении сюжетов эпоса «Нарты» с эпическими сказаниями других тюркских народов. Это выявляется при сравнении сюжетов эпоса «Нарты» с эпическими сказаниями других тюркских народов. В частности мы наблюдаем сходство многих тем и целых циклов, мифологических и религиозных представлений. Песенное бытование эпоса карачаевцев и балкарцев – одна из ярких, самобытных особенностей их эпической традиции, что также соответствует древнетюркским традициям. Сохранность карачаево-балкарских сказаний в свое время отметили многие ученые: Б.К. Далгат, И.В. Тресков и т.д. М.В. Рклицкий, говоря об осетинских инновациях в эпосе, писал: «...что испорченные несуразностями места сказания (осетин) восстанавливается до некоторой степени в наиболее сохранившихся от этих влияний сказаниях балкарцев» («Нарты», с.12 М. 1994 г.) именно благородя стихотворной песенной форме существования в карачаево-балкарском эпосе произошла консервация многих архаических элементов. Их эпические сказания повествуют о сотворение мира, Земли, происхождение рода человеческого и его первых шагов в освоении животноводства и земледелия, зарождение ремесел, что предстает перед нами как летопись сотворение мира.

В отличие от других версий нартского эпоса народов Кавказа, карачаево-балкарские богатыри воюют с сверхъестественными чудовищами, и что самое удивительно только в карачаево-балкарском героическом эпосе один из богатырей является сыном русского и балкарки. В одном из вариантов сказании говориться о том, что некогда русский переселенец Бедене пришел к богатырям нартам, и те радушно приняли его, выдали за него девушку без «калыма». Беденепоселился в ауле Кинта и занимался

рыболовством. За Бедене тащился всегда обоз в «сорок повозок», и как правило, его сопровождали охотничьи собаки «ызчи-самырла». В руках эпического рыбака постоянно – медный крючок. События происходят на берегах Эдила (Волги). В другом варианте, Бедене хитростью овладел Кюлюмхан, служанкой «княгини» Сатанай. Кюлюмхан утаила свой «грех» от «госпожи», а новорожденного спрятала в железный сундук и бросила в Волгу со словами: «Бог, который послал мне тебя, да пошлет тебя к отцу твоему Бедене». В это время его отец рыбачил на берегу реки, поймал железный сундуки отнес его к своей бездетной жене. Через определенное время этот мальчик становится могучим богатырем. В отличие от других национальных версий, в эпосе карачаевец и балкарцев Рачикау борется с семиглавым «змегеном» - драконом, и побеждает его. Во всех вариантах Рачикау изображается богатырем-исполином. Подстать ему и его богатырский конь и доспехи. В эпосе, колоссальная сила и могущество Рачикай проявляются в мгновенном поедании им большого количества еды. Он одним разом выпивает содержимое кувшина, который с трудом поднимают сорок юношей, превосходит всех Нартов как в богатырских подвигах, так и в танцах. Только в силе он уступил Карашауаю, подившему его на состязаньях. В цикле Рачикау основная коллизия обусловлена конфликтом богатыря со Злоязычным Гиляхсыртаном из-за его незаконного (иноэтнического) происхождения. Русское происхождение Рачикау дважды подчеркивает Гиляхсыртан. По обычаю Нартов, Рачикау передает продолжение танца – Эли (танец бога-молнии) злоязычному, но тот отвечает: **«Пусть я умру, чем приму элию от урожденного русского»**. Обиженный Рачикау уезжает. Все возмущенные поступком Гиляхсыртана. Пристыженный нартами злоязычный Гиляхсртан кается, и просит Нартов вернуть Рачикауа. За оскорбление, которое он ему нанес, он готов выдать за него замуж свою сестру – белозубую красавицу Агунду. Сосрук уговаривает Рачикау вернуться, но «злоязычный Гиляхсыртан» наноси ему вторую обиду **«Лучше провалиться сквозь землю, чем отдать свою сестру за «оруслудан туган оруслуга»** (за русского рожденного русским). После не удачной попытки убить своего обидчика, Рачикау, отстаивая свое достоинство и не желая терпеть унижение, принимает решение умереть. В сказании же «Мечь Карашауая» Рачикауа убивает безымянный богатырь. Имена богатырей Ии их этническое происхождение, лучше свидетели любых хроник и свидетельств, которые отражают межэтнические контакты истории народов. Естественно многие факты в народном фольклоре деформированы, тем не менее, они донесли до нас имена многих реальных исторических личностей. Эпос можно назвать концентрированным отражением народной памяти, происхождение различных сюжетов, как и отдельно взятых эпических героев имеет исторический смысл, запечатленный в памяти народа. В карачаево-балкарском эпосе

есть только два богатыря инородного происхождения это Рачыкау-русский, и Ногайчик-ногаец, оба героя положительные. Ногайчик жертвует собственной жизнью ради спасения балкарского богатыря Ерюзмека.

Вполне осознавая практическую невозможность в одной главе дать исчерпывающий анализ такого сложного процесса, как история русско-карчаево-балкарских связей, автор на основе эпического материала указывает на возможность и древность этих связей.

Существует мнение, что эпос возникает при столкновении этносов, точнее было бы сказать – обогащаться. Не избежал этого явления и русский былинный эпос. К примеру, былина о Михаиле Петровиче Козарине (Суханьша Зармантев), есть предположение, согласно которому Козарин, в былине представляется « заезжим богатырем» - выходцем из Хазарского каганата. В былине Козарин несет печать родительского проклятия. Многие исследователи считают, что Михайлов Козарин в полнее мог быть хазарским богатырем, перешедшим на службу к князьям. Но это лишь один возможный исторический «слой» былины – самый древний. Сюжет былины довольно подробно исследован В.Я. Проппом, выделившим дней помимо родительского проклятия еще несколько «слоев». «Былина» - отмечал В.Я.Пропп – содержит явные следы отпечатков нескольких эпох. По своей композиции она принадлежит наиболее архаичным произведениям.

Очень интересно былина о богатыре Сухаре, которое также имеет связь с тюркским миром. Основной сюжет, которой конфликт богатыря с князем Владимиром, былина является высочайшим образцом русского народного эпоса. Отметим, что в имени богатыря прозрачно выявляется тюркский антропоним. «Сох, Сух, Сок» - сеч, рубить, бить, сражения (тюрк), «Манн» - словообразующий суффикс применяемый для образования личных имен от глагольных и существительных основ таких имен как: «*Осман, Керман, Шакман, Тырман и т.д.*». есть предположение, что прообразом Сухмана – богатыря мог быть Демьян Куденевич – Переяславский герой, умерший после боя от ран (рассказ от нем сохранился под 1148 г. В составе Никоновской летописи). Возможно исторический факт «обогащен» эпическим сюжетом. Но в данном случае надо признать, что отчество богатыря – тюркское. «*Куденет, Кудайнат, Худайнат*» - имена часто встречаемые в тюркской антропонимике.

В связи выше сказанным считаю, что небезынтересно для людей интересующих эпосом славян и тюрков показать сходство женских образов и в фольклоре. М. Халанский отмечал, что мотивы русских былин о встрече Добрыни с великаншей, «Поляницей» и измене жены Добрыни сходны с Сербским Омарко Королевиче и нартскими сказаниями «**татар горцев Пятигорского округа**» (*карачаевцев и балкарцев*). Он также подчеркивал, что сходство между русскими и кавказскими (на материалах карачаево-балкарского эпоса. Б.Н.) сказаниями очевидно и так велико.

появляется стремление установить между ними более близкое отношение, чем просто сравнение (47, ст. 33-34.). И указывал, например, на то, что женщины русского эпоса – жены Ставера, Дуная, Данилы Ловчанина – значительно отличаются от поляниц великанш. Первые органически связаны с жизнью русского народа, его историей. Образы великанш поляниц – «инородное» явление в русском эпосе, сказание т них фрагментарны и отражают совсем другой, **«нерусский порядок отношений»**. Образы могущественных и суровых великанш русского эпоса (Баба Горынка, поляница и т.п.), по-видимому, испытали на себе огромное влияние сказаний тюркских народов. В действительности, сказания о встрече богатырей с великаншами в тюркских эпосах занимают значительное место и органически связаны с их эпическими сюжетами. Матриархальные мотивы возвеличивание женщины, подчеркивая ее главенствующее положение в клане, роде, семье действительно наличествует в устном творчестве многих тюркских народов.

Не смотря на столь существенные отличия и схожесть в упомянутых сказаниях чувствуются следы близкого общения между ними в древние времена. Налицо виден взаимный, культурный обмен, взаимопроникновение образов, ситуаций, мотивов в фольклоре. Имена богатырей и их этническое происхождение в эпосе лучшие свидетели любых хроник, которые отражают межэтнические контакты в истории народов.

Мы осознаем, что многие факты в эпосах и в блинах искажены, тем не менее, они донесли до нас многие имена реальных исторических личностей. Эпос можно назвать концентрированным отражением народной памяти, происхождение общих сюжетов, как отдельно взятых героев имеют определенный исторический смысл, запечатленный в определенную эпоху.

Эпос, как и язык на котором он создан, консервирует многие исторические факты и события прошедших эпох.

В монографии «Западные турки в странах Востока» я отмечал об одной не уточненной строке, из Ипатьевской летописи под 1201 годом. Которую В.А. Пархоменко считает заимствованием из половецкого эпоса

«Во Обезы» - это значит, в Грузию. Л.В. Черрепин, Г.В. Гудзий считают, что обезы – Абхазия, Г.В. Цулая полагает, что Обезы возник под влиянием Абазин. Этимология данного слова легко объясняется с карачаево-балкарского языка, поскольку есть и логическое обоснование этой темы. Связующим звеном между Русью и Грузией были тюркские народы. Гюрджи – это тюркский этноним, однако только карачаево-балкарцы называют Грузию – Эбзе. Считают, что Обезы и Эбзе одно и тоже, и попало в русскую летопись через предков карачаево-балкарцев.

Фонетико-семантические параллели в карачаево-балкарском и русском языках.

№	Русское слово	Предполагаемое направление заимствования	Карачаево-балкарское слово	Этимология
1.	Спас	→	Ыспас – благодарность	
2.	Мысль	←	Мыйы – мозг Мыйысы – (его) мозг Мысагат – дума, мысль	
3.	Мужик		Мыжыкъ – мужик	
4.	Князь		Гиназ – князь	
5.	Борозда		Бараза – борозда	
6.	Сани		Чана (сана), цана – сани	
7.	Паста		Баста – каша	
8.	Ватага		Батага – сходка, сход	
9.	Беда		Бедиш – позор, стыд, бесчестье	
10.	Был, было		Бол, болду – будь, было	
11.	Бочка		Беечке – бочка	
12.	Клоп		Глопа – клоп	
13.	Хата		Хыты, гыты – лачуга	
14.	Гордый		Горда – верзила, большой	
15.	Дорожить		Даража – значительный, важный, уровень, степень	
16.	Дёготь		Догыт – дёготь	
17.	Торг		Дорх – торг	
18.	Жаловаться		Жалын – унижаться	
19.	Изъян		Зиян – изъян	
20.	Мутный		Мутхуз – мутный	
21.	Кружева		Гуржаба – кружева	
22.	Курносый		Гурнос – курносый	
23.	Солома		Салам – солома	
24.	Утюг		Ийту – утюг	
25.	Моська		Маске – моська (маске)	
26.	Моток		Матау – моток	
27.	Сафьян		Сахтиян – сафьян (кожа)	
28.	Сев, сеять, сей		Себ – сей	
29.	Хилый		Хылеу – хилый, слабый	
30.	Хуже		Хужу – плохой, губительный	
31.	Худо		Хуттур – неважно, плохо	
32.	Лебеда		Лыбыта – лебеда	
33.	Варнаг		Бырнаг – изгой	
34.	Шаткий		Шатык – неустойчивый	
35.	Елка		Юлкую – кустарник	
36.	Черта		Черт, чертип – признак	
37.	Жир		Чир, чыр – жир, навар, достаток	
38.	Голец		Голи – утес	
39.	Суровый		Сур – суровый	
40.	Рана		Заран, зара (джара) – рана	

Приведенные сопоставления показывают, что проникновение сюжетов эпических сказаний было издавна двусторонним и объективно способствовало взаимному обогащению культур

тюркских народов и восточных славян. Русская культурная стихия безбоязненно принимало в свой состав то, что шло с Востока, перерабатывая на свой национальный лад, как и духовные ценности, получаемые с Запада. В предыдущих главах мы отметили тюркские заимствования в русском языке, по всей видимости, должен быть и обратный процесс, на этот феномен обратила внимание Е.С. Галкина. «Иранско-восточнославянские параллели сравнительно поздние и односторонние то, что есть у восточных славян видны заимствования североиранских наречий а, к примеру, **в осетинском древнерусских слов нет (?)**. Это значит, что иранский этнос, с которым контактировали славяне Поднепровья, **исчез с лица земли**». (31, с.317) Это говорит о том, что глубоко ошибочно считать о существовании сплошного иранского этнического массива с европейской ----? арены народы просто так не исчезают «с лица земли». Автор считает, что в начале первого тысячелетия катаклизмов таких масштабов не было. Если были контакты они обязательно, оставляют след в народном эпосе, или языке. Не даром говорят: «наш язык – наша история», и это связь обязана оставить о себе что-то. В отличие от осетинского языка в карачаево-балкарском лексическом пласте остались заимствования из древнерусского языка. Видимо стоит и объяснить и другой факт, **почему на всем Кавказе срубные жилища строили только карачаевцы и балкарцы? Когда и в какой период своей истории они переняли эту технологию?** Данная тема не входит в наше исследование, наша задача обозначить маршрут для последующих изысканий. Приведем некоторые заимствования в карачаево-балкарском языке с русского, важно отметить пока не ясно, когда и в какой период истории эти слова были заимствованы.

ХАСАН МАМАЙ (КБР, п.Хасанья)

Аланы в Пиренеях

История карачаево-балкарского народа проливает свет на становление всего человечества, следы его языка и культуры простираются на все известные мировые цивилизации, примеров тому тысячи. Систематизация этих примеров является насущной задачей ученых всех тюркских народов, да и не только тюркских. Данный доклад подготовлен по материалам статьи «Аланы в Прериях». Опубликованной в Интернете на странице Balkaria.narod.ru. Статья затрагивает лишь не большой аспект этой огромной работы, а именно – пребывание предков карачаево-балкарцев на Пиренейском полуострове и юге Франции.

Изучение скифо-аланской истории, кроме научного, имеет и политический аспект, который связан со сталинскими репрессиями против карачаево-балкарского народа. За насильственным переселением, последовало энергичная работа по искоренению самого имени карачаево-балкарского народа. С этой целью стало фальсифицироваться история предков карачаево-балкарцев – скифо-аланов, их попытались представить предками ираноязычных осетин. Работу эту возглавил ученик Н.Я. Марра, выпускник Петербургского университета В.И. Абаев. В 1949 году на свет появился фундаментальный труд В.И. Абаева «Осетинский язык и фольклор», который на долгие годы в перед определил направление советской скифологии.

В 1956 году карачаево-балкарский народ был реабилитирован и возвращен на родину, однако политической реабилитации не сопутствовала реабилитация историческая и пущенный однажды «скифо-иранский» локомотив до сих пор продолжает свое движение. По этой причине данная статья, кроме своей главной цели – выявления тюркских следов на Пиренеях, служит делу опровержения ошибочной теории об ираноязычии скифо-алан. Подобные попытки уже не однократно предпринимались карачаево-балкарскими учеными (Алиев, Байрамуков, Хабичев, Хаджилаев, Мизиев). Неудовлетворенные результатами сессии по происхождению карачаево-балкарцев, состоявшейся в 1959 году в Нальчике, они, в разрез официальной версии, которая неуклюже гласила: «Карачаево-балкарские народы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркскими племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, «черные болгары» и, в особенности, одно из западно-кипчакских племен» [9 с.310], попытались восстановить истинную историю народа. Особенно хочется отметить труды Исмаила Мизиева: логически выверенные и богато иллюстрированные фактами, они, по сути, должны были положить конец спору вокруг этнической принадлежности скифо-аланов. Его четыре последние работы практически полностью посвящены опровержению доводов В.И. Абаева и его последователей, что удалось автору блестяще. Однако истекшие полтора десятилетия не внесли заметных перемен в проблему – ирановеды по-прежнему продолжают тиражировать свою вымышленную «аланскую историю». Дело дошло до того, что в 1994 году к названию Серверной Осетии было добавлено слово Алания.

Критиковать устоявшие концепции кажется занятием безнадёжным, даже когда фундаментов некоторых научных сооружений являются не факты, а лишь имена маститых ученых.

На тему ираноязычия скифо-алан написаны десятки трудов исследователями разных стран, высказывания их весьма категоричны. Для большей наглядности приведем несколько примеров:

- «Не считаю я также нужным останавливаться на вопросе о доказательствах принадлежности алан к арийской расе и притом иранской ее ветви, считая этот вопрос окончательно порешенным в трудах языковедов и между ними – проф. Всев. Миллера в его «Осетинских этюдах» (Куликовский Ю.А.) [8 с.47].

- «Трудами многих ученых твердо установлено ираноязычие алан и их прямые генетические связи с иранскими (по языку) племенами сарматов» (кузнецов В.А.) [7 с.5].

- «Можно без преувеличения сказать, что, несмотря на отдельные сомнения, теория аланского происхождения осетин получила права гражданства и правильно определила путь дальнейших исследований» (Гаглойти Ю.С.) [5 с.24].

- «Основные положения, касающиеся этногенеза осетин, стоят прочно и непоколебимо: наличие иранского элемента в их этнической культуре и их изначальное культурно-языковое родство с другими народами индоевропейского круга; северный путь их движения на Кавказ; преемственная связь их со скифами, сарматами и аланами» (Абаев В.И.) [1 с.32].

- «Имеется также достаточно оснований считать, что иранскими были языки древних скифов и сарматов» (Абаев В.И.) [1 с.14].

- «Лингвистические доказательства не играли решающей роли для установления тождества осетин и алан. Прямые исторические свидетельства были достаточно красноречивы. Прекрасное сопоставление исторических сведений из грузинских, армянских, византийских, латинских арабских, русских (летописных) источников не оставляло сомнения о том, что под названием осов (осетин) , асов, ясов, языгов, алан срывался один и тот же народ» (Абаев В.И.) [1 с.41].

Список этот можно продолжать долго, но в это нет необходимости, поскольку мысль упомянутых авторов вырисовывается довольно отчетливо. Не имея достаточного фактического материала, они пытаются на своих твердых заверениях построить историческую концепцию.

Эти исследователи не являются разрозненными одиночками, а представляют собой целую отрасль исторической науки, по ряду причин превратившуюся в подобие реакционной секты. Благосклонность властей, и как результат, отсутствие критики превратило советскую скифологию в некий сплав высокомерия и наивности. Они составляют авангард современного ирановедения: доктора, академики... Официальный статус позволяет им тиражировать свои труды и таким образом воздействовать на умы

тысяч людей. В иной ситуации у нас не возникало бы желания выступать с ними в полемику.

Письменные источники. Сведения о пребывании аланов на Пиренеях весьма скудны, даже в специальной литературе (Б.Бахрах «Аланы на Западе, В.Б. Ковалевская «Аланы в Западной Европе»). Упомянутые авторы делают упор на изучении Франции и Италии. Это выглядит весьма странно, поскольку аланы в значительном количестве осели на Иберийском полуострове. Даже такое светило алановедения, как Ю.А. Кулаковский ограничивается простой констатацией факта: «В 409 году союзники (аланы и вандалы Х.М.) перешли в Испанию, а в 411 разделили между собой эту страну; аланам досталась средняя часть: Лузитания и Картегена» [8 с113]. Подобную же позицию занимают современные осетиноведы-скифологи. Их нежелание изучать историю Испании вызывает массу вопросов. Напомним по этому поводу одно событие десятилетней давности.

Летом 1993 года Северо-Осетинским институтом гуманитарных исследований была предпринята беспрецедентная акция «Via Alanica» («дорога Алан»), основной задачей которой было «ознакомление с состоянием изучения древней иранской, в частности, аланской проблемы в западной Европе» (Блиев М.М.) [3 с.410]. группа осетинских ученых проделала путь по прилегаемому курсу движения аланов на запад, побывав в Ростове-на-Дону, Киеве, Будапеште и Париже. Во время остановок ученые посещали музеи, знакомились со скифским наследием, встречались со исследователями, официальными лицами и земляками. Программа была весьма насыщенной. Однако, судя по сообщениям участников экспедиции М.М. Блиева и Л.А. Чибирова, это предприятие не дало каких-либо ощутимых результатов. Оказалось, что иранская проблема не изучается в Европе должным образом. Блиев сетует на ростовских коллег: «большинство находок ростовских археологов, состоит в том, что в них, как правило, не рассматривалось аланская проблематика, в особенности ее этногенетические аспекты. Может быть, по этой причине сегодня уже и донские казаки, как поведало нам сотрудник музея Т.А. Скрипник, стали считать себя сарматами по происхождению». (Блиев М.М.) [3 с.412].

Как известно, аланы не остановились во Франции. Они пошли далее через Пиренейский полуостров и высадились на севере Африки, где вместе с вандалами основали государство, которое впоследствии, было разгромлено византийским полководцем Велисарием. Таким образом, конечной точкой движения алан на Запад нужно считать Тунис. Кроме того, значительная масса алан осела в Иберии, где до сих пор существует провинция Каталония, которая сохранила в своем названии имя аланского народа. Логично было бы предположить, что осетинские ученые будут стремиться

именно в Каталонию, но такого желания у них нет и в планах, напротив, Блиев говорит, что следующим этапом «Via Alanica» будет посещение Италии, Монголии, Китая и Индии.

Несколько больше информации по нашей теме дает Ганс-Иоахим Диснер в работе «Королевство вандалов», но он пытается описать историю вандалов изолировано, поэтому на следует сделать несколько замечаний. Еще задолго до появления в Иберии (начало IV в.) аланы и вандалы были объединены в межплеменной союз. В последующие несколько веков пути этих народов оказываются тесно переплетены. До сих пор остаются неясными причины такой консолидации. Дадим слово Диснеру: «С 418 г. хасдинги, силинги (подразделения вандалов – Х.М.) и аланы были объединены на правах личной унии королем хасдингов. Имя «хасдинги», которое раньше обозначало целое племя, постепенно стало использоваться исключительно для названия династии. Наконец, вводится титул «rex Vandalorm et Alonorun» («король вандалов и аланов») [6 с.34]. Таким образом, любое упоминание вандалов в Испании и на севере Африки можно воспринимать в связи с аланами.

Теперь проследим основные этапы движения алано-вандалов. В конце IV в. по причине увеличивающегося давления со стороны гуннов и готов, вандалы, аланы и некоторые части гепидов и сармато, под предводительством короля хасдингов Годигизела объединяются в некий переселенческий союз. В 401 г. империя заключает союзом федеративный договор, по которому алано-вандалы получают земли на территории современной Баварии. Однако в 406 г. они, в нарушении договора, проникают в Южную Галлию. Некоторое время римским войскам удается удерживать Пиренейский хребет, но в 407 г. переселенцы прорываются в Испанию. А уже в 411 г. с империей был заключен федеративный договор, по которому хосдингам отходила восточная, свевам – западная Галисия (северо-западная Испания), в то время как силинги получили Бетику (южная Испания), а аланы – Лузитанию (примерно соответствует Португалии) и область Нового Карфагена (восточная Испания). Уже в 425 г. алано-вандалы на реквизированных римских кораблях грабили Балеарские острова и даже побережье Мавритании. В последующие годы флот был расширен и укомплектован одноплеменниками. Еще более значительными были успехи на суше: к 428 г. в сферу влияния алано-вандалов были включены все римские города Пиренеев, включая Гиспалис (Севилья) и Новый Карфаген (Картахена). Таким образом, политическое, военное и экономическое положение алано-вандалов на момент смерти Гундериха (428г.) явно улучшалось по сравнению в первыми годами в Испании. В 429 г. алано-вандалы,

избегая осложнений со свевами и вестготами, переправляются в Африку, высаживаются в Тингисе (Танжер).

По существу, это все что нам известно о пребывании аланов на Пиренейском полуострове, их дальнейшее существование на данной территории окутано тайной. В любом случае народ не может исчезнуть бесследно и даже в результате полной ассимиляции должны сохраниться некоторые оригинальные черты.

Варвары в Иберии. Как мы заметили выше. Сторонники ираноязычия алан весьма неохотно занимаются Пиренейским полуостровом и этому есть простая причина. Если мы возьмем любую другую область Европы, где побывали аланы, то кажется, что там же бывали и гунны, и савиры, и авары, и кипчаки, и болгары, и барсилы, то есть какие-нибудь тюркские племена, поэтому сказать точно, кто именно оставил тюркские элементы в топонимике и лексике невозможно, в то же время Б.Бахрах утверждает следующее: «Аланы были единственным не германским народом, основавшим значительные поселения на территории Западной Европы» [4 с. 19]. Но если говорить об Иберии, то это единственная территория, где можно локализовать алан. Если готы и вандалы – германцы, то как объяснить присутствие в Испании тюркских элементов, которых, как мы покажем, имеется масса?

Теперь становится ясна странность в поведении иранистов: любой тюркский элемент вне Пиренейского полуострова можно объяснить влиянием каких-нибудь других, кроме алан, тюрков наличие же тюркизмов в Испании полностью дискредитирует алано-иранскую теорию.

Словарь. Знакомство автора с каталанским словарём послужило толчком к написанию данной статьи. Сообщение о том, что Каталония первоначально называлась Гото-Аланией (Р. Груссе [2] с. 20) и получила своё название от союза алан и вестготов вселяло надежду на то, что в каталанском языке могут сохраняться тюркские элементы, принесённые аланами. Но поиск необходимого словаря превратился в серьёзную проблему, поскольку семимиллионный европейский народ ничем не заинтересовал российских лингвистов и каталано-русский словарь так и не был составлен. Однако, автору посчастливилось приобрести каталано-немецкий словарь. Работа осложнялась двойным переводом, но, в конце концов, мы были вознаграждены за труды – около сотни прозрачных карачаево-балкарских лексем. Исследование испанского и португальского языков дали аналогичные результаты. Для нас открылся совершенно новый аспект аланской истории. Судя по найденным словам, аланы были широко распространены по Пиренейскому полуострову и оказали большое влияние на формирование местного населения.

Читателям представляется возможность увидеть, что тюркизмы охватывают почти все сферы пиренейских языков.

Каталанский	Карачаево-Балкарский
ala – алан	алан, ала – алан
ale – дух	ал – дух
arboc – арбуз	харбуз – арбуз
arca – грудная клетка	аркъа – спина
amb – вместе	эм – и (союз)
ans – иначе, но	ансы – иначе
arribar – идти куда-то	ары бар – идти туда
arca – аркан	аркъан – аркан
be – очень	бек – очень
baba – бабушка	баба – бабушка
basar – базар	базар – базар
batan – валять, мять	батан – навильник (охапка сена)
bei – бей (титул)	бий – бей (титул)
babi – дедушка	баба – предок, дед
bossa – кошелёк	бохца – кошелёк
bou – крупный рогатый скот	бау – загон для кр. рогатого скота
bucle – завиток	букле – сворачивать
basar – опираться	база – апорный
cabas – корзина	каба – оболочка
cafta – кафтан	къафтал – кафтан
cairar – открывать	къайыры – отдирать
сама – стержень, рукоять	къама – кинжал
cas – тигель	къашыкъ – ложка
baula – соединение	баула – привязывать (из байла)
arid – тощий	арыкъ – худой
carai! – неужели! (возглас удивления)	къалай! – как это! (возглас удивления)
casc – голова	сакъ – голова
catifa – ковёр	къатапа – бархат, велвет
cert – настоящий	керти – настоящий
coll – овраг, ущелье	къол – овраг, ущелье
cos – глазок (тех.)	кёз – глаз
Edil – Волга (географ.)	Эдил – Волга (географ.)
git – бросок	ат – бросать
jas – ложе, постель	жастык – подушка
mal – зло	млагъун – злодей, подлец
mallada – загон для скота	мал – скот
mas – двор	баз – двор
мос – сопли	бурун бок – сопли
мома – кабан	мома – чудище (детск.)
mur – стена	мурдор – основание, фундамент
sa – здоровый	сау – здоровый
taca – клочок земли	тагъы – выступ на скале
tala – вырубка леса	тала – поляна
talar – разрезать	тала – разрывать на части, разрушать
sara – взгляд, лицо	
suc – червь	

ell – он, она	къарам – взгляд
gent – люди	къурт – червь
mirar – прицеливаться	ол – он, она
hajar – добыча	кент – поселение
suau – короткий	мара – прицеливаться
moga – коричневый	хайыр – прибыль,
maco – нарядный	приобретение
mel – мед	зуаш, жуаш – короткий
moga – ежевика	мор – коричневый
onse – одиннадцать	омакъ – нарядный
pa – хлеб	бал – мёд
pas – шаг	марако- земляника
per – вместе	он бир – одиннадцать
qui? – кто?	паппу – хлеб (детск.)
sabana – степь	бас – наступать
sabo – мыло	бирге – вместе
sapa – слой, оболочка	ким? – кто?
fet – делать	сабан – поле, степь
raga – плата, цена	сапын – мыло
bata – передник, фартук	къап – слой, оболочка
saganer – ребёнок	эт – делать
cağar – проклинать	багъа – цена
caire – край, конец	бота – передник, фартук,
capoll – почка (раст.)	плед
cessar – убывать,	къагъанакъ – грудной
останавливать ся	ребёнок
cistell – корзина	къарга – проклинать
cirri – свеча	къыйыр – край, конец
	капол – почка (раст.)
	кесер – отрезать,
	прекращать
	кюштел – бочонок,
	кадушка
	циракъ, чиракъ – свеча,
	лампа

Топонимика. К исследованию топонимики следует подходить с особой осторожностью, поскольку, глядя на карту, можно увидеть только название объекта, а происхождение этого имени остаётся загадкой. В реальности можно отражать особенности, присущие данной местности, к тому же не объяснимые на языке современного населения. Бывает так, что пейзаж меняется, а название остаётся. В подобных условиях дистанционного исследования топонимика становится сомнительным источником информации, но имеется некоторая категория топонимов, не требующая комментариев. Проведём небольшой анализ.

В местах проживания тюркских племён наибольшее распространение получают следующие термины: «юрт» (журт, гурт, курт, корт) – радиана, край, местность, село, сторона; «кала» (къала) – крепость, город; «жер» (зер, йер) – земля местность, место; «тау» (таг, даг) – гора; «коль» (куль) – озеро; «суу» (су) – вода, река; «эл» –

страна, село, народ и некоторые другие. Кроме географических терминов в топонимике, как правило, запечатлеваются этнонимы. Термин «кала» даже заимствован из тюркского языка некоторыми романскими в значении «порт», но пункты с «кала» встречаются вдалеке от побережья, поэтому мы приводим все подобные топонимы.

Мной были исследованы несколько карт, как отдельных областей, так и целого Пиренейского полуострова, масштабами 1:1100000 (1 см – 11 км) и 1:400000 (1 см – 4 км). Вот результаты:

I. Испания, Португалия, Андорра, юг Франции	Carcedo – (карча) Carcelen – (карча) Carcelejo – (карча) Magaz – Magac (столица алан на Кавказе) Murtas – буртас (этноним)
Alandroa Alange Alanis Cala Cala ratjada Calaceite Calaf Calafell Calahonda Calahorra Calamocho Calanda Calanas Cala tanazor Calatayud Corbalan Caracuel – каракёл (озеро) Carcabuey – (карча) Carcaixent – (карча) Carcassone – (карча) Carcastillo – (карча)	II. Каталония, Аргон, Балеарские острова Balcarca – балкар (этноним) Cala de Salionc Cala Monttjoi Calatorao Mara – Мара (село в Карачае) Ter (река) – Терк (река на Кавказе) III. Андалузия Alanis Calabazar Calabazares Carataunas – Каратау (гора) Turca Urgt – юрт.

К этому же ряду можно отнести важнейшие города региона – Барселону (барс-алан) и Марсель (барс-эль – страна барсов). Барс является главным тотемом карачаево-балкарцев, поэтому его появление в топонимах не случайно, кроме того, наличие термина «барс» свидетельствует о тюркоязычии алан, поскольку это слово исконно тюркское.

В работе «Аланы в Западной Европе» В.Б.Ковалевская даёт список нескольких сот топонимов запечатлевших пребывание алано-сармат в Западной Европе. Термину «court» уделяется особое внимание, как наиболее распространённому: «относительно слова «court», courties, который у Варрона обозначал загон для скота, интересно то, что оно (саерт, courtis, court) является ирано-германо-итало-кавказской изоглоссой, одинаково понятной ираноязычному алану, германцу и римлянину (Krt – двор в осетинском, Kert – с тем же смыслом в нахско-дагестанском, картвельском и армянском языках). В топонимии Франции Дж.

Джонсон собрал 183 топонима с court» [2 с. 55]. Народы, конечно же, вправе называть свои населённые пункты скотными дворами, тем более народы скотоводческие, как аланы. Нам же в слове «court» видится общетюркский термин «курт» (корт, гурт, журт, юрт) в значении «родина, отчизна, край, сторона, место, местность», что более соответствует по смыслу.

В Осетии с аланскими топонимами складывается весьма противоречивая ситуация: «Для Франции и Северной Италии нами картографировано более 70 аланских этнопонимов (из списка в 90 названий) – поразительно большое количество, если, например, учесть, что для Северной Осетии на Кавказе, где алано-осы живут до сегодняшнего дня, есть только один топоним, содержащий в качестве основы этноним «алан» [2 с. 58].

ПОЛИТОЛОГИЯ

А.А.ЭБЗЕЕВ
(г.Черкесск)

КОНФЛИКТ В АБХАЗИИ И АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ «ОБВАЛ» ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

Практически весь XX в. коллизии в **Абхазии** Кавказа так или иначе возникали коллизии. Коренной народ осуществлял управление своей территорией (бывший Сухумский округ царской России) с ноября 1917 г. до июня 1918 г., когда регион был включен в состав независимой Грузии. Этот контроль прекратился на короткое время после аннексии независимой Грузии войсками советской России. 21 марта 1921 г. была провозглашена самостоятельная ССР Абхазия, которая просуществовала лишь до декабря того же года, когда она стала «договорной ССР Абхазии» в составе Грузинской ССР. Иными словами установились федеративные отношения. Они продержались до 1931 г., когда Абхазия была низведена до статуса автономной республики в составе Грузии¹.

Все это, в конечном счете, послужило залогом будущих конфликтов в Абхазии. Первый лидер де-факто независимой Абхазии доктор исторических наук Владислав Ардзинба указывает на то, что «массовые возмущения» со стороны абхазов, где «выдвигались требования о выходе Абхазии из состава Грузинской ССР» имели место систематически – в 1931, 1956, 1967, 1978, 1989 годах².

К рубежу 1980-90-х гг. отношения между грузинской и абхазской общинами автономной республики неуклонно осложнялись. 15-16 июля 1989 г. в Сухуми произошли столкновения, которые были представлены в Тбилиси как «нападение мусульман-абхазов на православных грузин»³. Конфликт, спровоцированный преимущественно местной интеллигенцией, привел к расколу Абхазского госуниверситета, откуда грузинское студенчество ушло в филиал Тбилисского госуниверситета, открытый в Сухуми центральными властями.

В правление З.Гамсахурдиа конфликта в Абхазии, по сути, не было. Коренным образом дело начало ухудшаться после военного переворота в Тбилиси в результате которого власть в Грузии в январе 1992 г. захватил т.н. «Военный совет» (для легитимации своего режима, как известно, путчисты пригласили из Москвы Эдуарда Шеварднадзе, который впоследствии избавится от пригласивших его лиц). Новый режим отменил в феврале 1992 г. Конституцию Грузинской ССР 1978 года и объявил о введении в действие Конституции Грузии 1921 года. Поскольку в ней «государственность Абхазии не была предусмотрена», пишет В.Ардзинба, «тбилисское руководство создало вакуум во взаимоотношениях между Грузией и Абхазией»⁴.

23 июля 1992 г. «в связи с распадом СССР и ликвидацией Грузинской ССР» Верховный Совет Абхазии принимает решение о прекращении действия Конституции Абхазской АССР 1928 года и восстановлении к Конституции Абхазии 1925 года, согласно которой отношения между Грузией и Абхазией определяются договором. Но, как подчеркивает В.Ардзинба, тогда «Верховный совет Абхазии не ставил вопрос об отделении от Грузии»⁵. Другой сухумский автор повторяет то же самое: «ни о каком выходе Абхазии из Грузии не говорилось»⁶.

Грузинский Госсовет (созданный вместо военного совета высших органов власти) во главе с Э.Шеварднадзе решил воспрепятствовать дальнейшей суверенизации своей автономии силовым путем, и ответил на решение абхазского парламента вводом войск – под предлогом обеспечения безопасности железной дороги – на территорию Абхазии (14 августа 1992 г.)⁷. Этой акцией начался грузино-абхазский военный конфликт.

В нем сразу же оказались вовлечены не только северокавказские добровольцы, но и части закавказской группировки российских войск. В 1992 г. для поддержки абхазской стороны (с согласия лидера Аджарии А.Абашидзе) в Батуми была дислоцирована российская авиаэскадрилья, чьи «неопознанные» самолеты Су-25 помогали абхазским повстанцам в вытеснении непрошенных «грузинских оккупантов» с территории Абхазии»⁸.

Поначалу грузинским войскам сопутствовал успех. Они заняли Сухуми, а после высадки десанта в Гагре и Пицунде – и эти местности. Абжуйская Абхазия (Очамчирский район и г.Ткварчели) были отрезаны от остальной территории, подконтрольной абхазам⁹.

Перерыва в военной фазе конфликта удалось достичь на московской встрече президента РФ Б.Ельцина и председателя Госсовета Грузии Э.Шеварднадзе, которые подписали «Итоговый документ» от 3 сентября 1992 г. В нем обозначалось то, что:

- «обеспечивается территориальная целостность Республики Грузия» (ст.1-я)

- с 5 сентября осуществляется прекращение огня (ст.1-я)

- к 10 сентября завершается обмен задержанных лиц, заложников, пленных и других по принципу «всех на всех» (ст.2-я)

- к 15 сентября производится «восстановление нормальной деятельности законных органов власти в Абхазии» (ст.10-я)

Предусматривалось также «разоружение, расформирование и удаление из Абхазии незаконных вооруженных формирований и групп». В документе было выдвинуто обращение к ООН и СБСЕ «поддержать изложенные выше принципы урегулирования и оказать содействие в их реализации, включая направление миссий по установлению фактов и наблюдателей» (ст.12-я)¹⁰.

Так был дан повод к переводу процесса урегулирования конфликта в международный формат.

Соглашение было действовало меньше месяца: 2 октября абхазско-северокавказские отряды атаковали Гагру, которая была отбита у грузин, после чего от последних очищена вся северо-западная часть Абхазии до р.Псоу¹¹. Боевые действия возобновились.

Тот же сценарий повторился. 27 июля 1993 г., вновь при посредничестве Москвы, в Сочи было подписано соглашение от прекращения огня. Как только грузинская сторона вывела из зоны конфликта основную часть своей тяжелой техники и живой силы, 16 сентября абхазо-северокавказские отряды внезапно атаковали грузин. На этот раз поражение последних было сокрушительным – они потеряли Сухуми (27 сентября), а затем все остальные позиции на абхазской территории, которую оставили 30 сентября¹².

Так было осуществлено фактическое отделение Абхазии от Грузинского государства. Но правового признания оно не получает нигде. Доктор исторических наук проф.А.А.Язькова дает такую характеристику нынешнему статусу властей Абхазии: «сухумский режим пока в мире никем не признан, и причина этого состоит в его нелегитимности. И действительно, трудно признать легитимной власть, установленную после изгнания почти 300 тысяч постоянно проживавших жителей... Именно поэтому в международной практике признается право на самоопределения лишь на основе должным образом организованного волеизъявления *всего населения данной области*»¹³.

Поскольку этот акт государственной дезинтеграции произведен при поддержке и благодаря России, последняя в глазах грузинской общественности стала обретать негативный образ.

Москва добилась главной задачи своим «абхазским маневрированием» – Грузия объявила о вхождении в состав СНГ. В феврале 1994 г. в ходе визита президента Б.Ельцина в Тбилиси был подписан договор российско-грузинский «О дружбе, добрососедстве и взаимной помощи», которым Москва признала территориальную целостность Грузии, обязавшись оказать помощь в строительстве грузинской армии. Выступая, в ходе визита, в Академии наук Грузии Борис Ельцин признал «в трагедии Абхазии есть и доля вины России»¹⁴.

Однако договор ратифицировала только грузинская сторона, а наша страна не выполнила своих обязательств, продолжая негласно покровительствовать Сухуми. Касаясь этой двойственной политики, кавказоведы тогда прогнозировали, что «пока в Грузии будет сохраняться нестабильность, Кремль «абхазской картой» будет дорожить – в случае успеха в Тбилиси антироссийских сил, она станет козырной. А к тому времени, когда кризис в Грузии пройдет, как говорится «или шах умрет, или ишак сдохнет»¹⁵. В принципе так и вела себя ельцинская дипломатия и, в немалой степени, и путинская.

КРАЕВЕДЕНИЕ

АЛАН ГЛАШЕВ (*Нальчик*)

«Летопись Карчи» как источник по исследованию истории и этногенеза карачаево-балкарцев

«Летопись Карчи», повествующая о древних страницах истории карачаево-балкарцев собрат «Слово о полку Игореве». Летопись начинается с событий, произошедших еще до нашей эры. Она раскрывает множество фактов, ранее истории не известных или спорных. В ней имеются многочисленные сведения о гуннах, аланах, болгарях, хазарах, куманах и многих других народах, населявших Восточную Европу в период античности и в раннем средневековье, когда в VII веке на землях, находящихся между Черными и Каспийскими морями, доходящих на севере - до Москва - реки, на востоке - до Урала, на западе - до Днепра образовалось мощное государство - Хазария. Это было первое государство на территории Восточной Европы. По уровню развития экономики, военной мощи и международному влиянию оно соперничало с Византией и Персией, имело свои самобытную культуру и письменность.

Теперь об истории самой «Летописи Карчи». В карачаевском роду Хасановых передавалось по наследству две рукописи, записанные на тюрском (предположительно хазарском - А.Г.) языке. Одна на основе греческого алфавита - летопись Ботая, сына Казакгы, другая на арабской графике - летопись Ботая, сына Ботая. К сожалению, рукопись Ботая пропала после загадочной смерти Магомеда Хасанова, который повез ее в Ленинград к специалистам. Первоначально рукопись Барлыу была написана греческими буквами на хазарском языке. Бантау Толгун Чаушегир переписал ее арабскими буквами в начале XV века и продолжил летопись. Рукопись Барлыу переписал кириллицей на карачаево-балкарском языке историк Назир Хасанов (всего 10 глав из 23). В советское время он не смог ее опубликовать. Уже после смерти Н.Хасанова, книга в 1994 г. была издана в Черкесске. Мною был осуществлен подстрочный перевод трех глав. Которые издана совсем недавно в г. Пятигорске и предлагаются вашему вниманию. Изложенные в них материалы описывают события с древнейших времен до XIV века. В том числе нашествие Батыя и Тамерлана. К ним были даны авторские комментарии и пояснения.

В первой главе летописи сообщается, что в очень древние времена страна праторков состояла из семи княжеств, которые в свою очередь делились на восточные и западные. Затем автор

летописи конкретно перечисляет племена. Относящиеся к ним: сибилы, болгары, авары, гунны, массагеты, кипчаки и т.д.

Страна подразделялась на западных и восточных тюрков. Однако это не те тюрки Великого каганата VI-IX вв, о которых писали Гумилев и другие историки. Речь идет о событиях, происходивших еще до нашей эры. Некоторые племена, указанные в летописи, вообще неизвестны истории. Название некоторых племен очень интересны: сибилские субаны (сваны), южные менгурские (менгрельские) сибиллы, кодурские (кодур) алпсиллы, юнгюрские (Ингури) сибиллы, базымта (Бзымта) сибиллы. Племена именуются по названию рек Грузии. Тюркские племена упоминаются там еще во времена Александра Македонского. В летописи Леонтия Мровели «Жизнь картлийских царей» говорится: «И, видя этих насельников вокруг той реки Куры, жестокие языческие племена, каковы мы называем бунтурками и кипчаками...» В комментариях к летописи пишется: «Бунтурки – так в древнегрузинских источниках именуются древнейшие жители Картали». «Бун» по – персидски означает «коренной». Значит, тюрки жили там до вторжения Македонского. В той же летописи глава «Нашествие хазар» стоит перед главой «Нашествие Александра». Название рек и местностей легко переводиться с карачаево-балкарского языка: Кодори (кудори – фасоль), бзымта (бзымта – уверенный), Менгрелия (мегю – вечный)...

Среди названий племен можно заметить еще одну интересную вещь.

Гунневары

Сибиланты

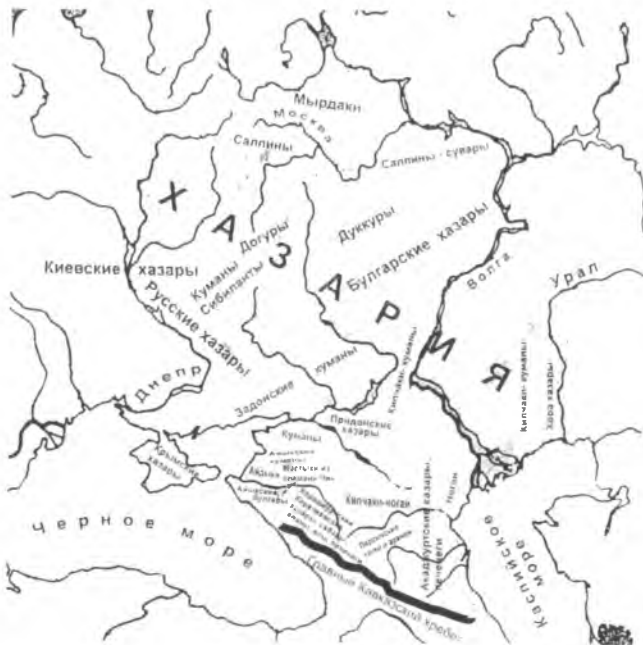
Басангеты

Обратите внимание на окончания. Если их выделить получают: авары, анты, геты. Вот откуда появились новые племена. Это пока Только гипотеза, имеющая право на внимание со стороны ученых.

Далее в летописи сообщается о княжествах в государстве Сибил, охватывающем территорию между черным и каспийским Морями, на севере ограниченном реками Дон Волга, на юге Кавказским хребтом. В этом же ареале действуют герои карачаево-балкарского нартского эпоса.

Следом идет перечисление племен Хазарии. По названию местностей и рек можно составить примерную карту Хазарии и определить границы государства.

Хазарское государство

Карта 2

После перечисления племен Хазарии в летописи дается полный список каганов. Это большая находка для историков. Раньше были известны лишь каганы, начиная от Булана (Алпбулана) до Иосифа (Осуфа). В летописи Барлыу они перечисляются как хазарские каганы Сибили. Видимо, государство называлось Сибил, а название Хазария закрепилось за ним потом из-за гегемонии племени хазар.

В месте с именами каганов в летописи перечисляются земли, принадлежащие им. Это дает возможность проследить образование единого государства из отдельных ханств. Более того, можно вычислить примерное время правления некоторых каганов и переноса столицы Хазарии из Беленджера в Итиль.

Наряду с каганами Хазарии названы кендер каганы Маланджана. Это в свою очередь открывает некоторые загадки Хазарии.

Первыми в списке каганов идут Сабур-хан, Балгр-хан, Хазар-ок – ханы страны Сибил. Постепенно происходит ее объединение в единое государство. Начало положено браком между сыном Балгур-хана – Болахом и дочерью Хазар-ок – хана Бойранкыз. В результате этого союза объединяются земли обеих ханств. После смерти

Болаха Бойранкыз становится единовластной правительницей Алханджурт.

Еще в хронографии Феофана упоминаются их имена: «В этом же году пришла к ромеям некая женщина из гуннов, именуемых савир, варвар, по имени Боарикс, вдова, имея при себе сто тысяч гуннов. Она стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха. Это (Боарикс) захватила двух вождей другого племени внутренних гуннов, по имени Стиракс Глона, склоненных Кавадом – императором персов, оказать ему военную помощь против ромеев и проходящих по ее землям в (пределы) Персии с двадцатью тысячами ...» Из этого текста вытекает много выводов. Во-первых, Бойранкыз была союзницей Византии. Во-вторых, она имела мощное войско, способное разгромить двадцатью тысячное войско. И главное – время, в которое произошло данное событие, датируется 527-528 гг. Легенда о Бойранкыз сохранилась в карачаево-балкарском фольклоре до наших дней.

После Бойранкыз в списке каганов идет Албак-хан, при котором образуется Беленджерское государство. Беленджер с тюркского переводится как колыбельная земля (бёлен – колыбель, джер – земля). Можно с уверенностью сказать, что другой город Хазарии – Семендер пишется как Семенджер (тюрк. Семен – сильный, стойкий; джер – земля). – сильная страна.

При Хаджар-хане все земли Хазарии объединились в мощное единое государство. Но после него она распалась на две части. Один сын Хаджар-хана – Озбулан, стал каганом Казджарана, а второй сын – каганом Малджарана. В карачаево-балкарской легенде «Сибилгюл» у Хаджар-хана рождаются два сына – Озбулан и Казбулан. Отец делит свое ханство между сыновьями. Это подтверждается тем, что в летописи Азтарганское ханство больше не встречается, оно делится между сыновьями.

После них Казджаран наследует сын Озбулана – Окьбулан, а Малджаран – сын Козбулана – Элбуран. В дальнейшем Малджаран становится кендер – хаганством, подчиненным Хазарии.

В летописи Барлыу упоминается кендер-хаганы. Это, потомки Элбурана, управляющие землями Малджарана, куда входят Акаджурт (белая родина) Караджурт (черная родина). Акаджурт – это равнине, Караджурт – горные районы Северного Кавказа. Арабские путешественники сделали калькированный перевод, и появились белые (светлолицые) черные (смуглые) хазары. Когда Бырлау перечисляет племена Хазарии, но пишет *акаджурт тюзген хазарла* – акаджуртские равнинные хазары, *караджурт карачай* (множество рек) хазарла. Множество рек протекают в горах, пока не сойдутся в предгорьях или равнине в одну большую. Потомки хазар карачаевцы до наших дней сохранили за собой это название.

Территория Малджарана, по описанию Бырлау, сопоставимо с территорией Алании (горные и предгорные районы Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии, Чечни). Кендер-хаканы это цари Алании. И здесь нет ничего удивительного. Выше было сказано, что у Хаджар-хана родились два сына – Озбулан и Казбулан. Первый из них стал каганом Хазарии, второй Малджарана. Долгое время они назывались государством Сибил, или Сибилти. Постепенно оно распалось на Хазарию и Аланию.

Среди кедер хаканов поименно известны в истории Алании имена. Самым известным хаканом Алании является Дургулель Великий. О нем упоминается в «Картлис Цховреба». Его сестра была замужем за грузинским царем Баграта IV, а племянница – за византийским императором. Это, конечно, династические союзы, что говорит о мощи Алании при Дургулеле. В 1062 и 1065 гг. Дургулель по просьбе своего зятя Баграта IV вторгся в Арран через Дарьяловское ущелье. Дургулель – это Турнагил, находящийся среди кендер – хаганов в летописи Барлыу. Теперь попробуем вычислить примерное направление Турнагила. Последний кендер хакан в списке – это Аппий-хан. Алания перестала существовать после нашествия монголов, когда в 1239 г. Пала столица государства Магас. Да и летописи Барлыу написано, что Аппий-хан пострадал от нашествия Батыя. Между Турнагилом и Аппий-ханом правили шесть ханов:

- ТУРНАГИЛ –ХАН (ДУРГУЛЕЛЬ ВЕЛИКИЙ) в 1065 г. Вторгся в Арран.
- АЛПКЪОРСУН-ХАН
- ДЖУРАНАК-ХАН
- КЪУШТАНГИЛ-ХАН
- КЪОРТАНГИЛ-ХАН
- АЛПСИЛ-ХАН
- АЛПСИБИЛ-ХАН
- АППИЙ-ХАН (В 1239 г. Пала Алания при правлении Аппий-хана)

Если сопоставить примерные годы правления Турнагила и Аппий-хана, получается, что Турнагил действительно мог быть Дургелеем Великим и совершить вылазку через Дарьяловское ущелье в 1065 г. Тем более, что именно при Турнагиле кендер-хаганы становятся отдельным ханством (хантурун). По истории нам известно, что в XI в. Алания отделяется от Хазарии и начинает вести самостоятельную политику.

Первая глава данной летописи заканчивается гражданской войной из-за веры, произошедшей в период правления хагана Ханукку, и далее отделением русской Хазарии (орус хазарлар), а также упоминанием о нашествии Батыя и Тимура. Эту часть

летописи Барлыу переписал у своего отца Ботая – сына Казакгы, а тот – у более древних авторов. Вторую глав он описывает как очевидец. Она начинается с какого-то странного летоисчисления. Скорее всего, это древний хазарский календарь. К сожалению он пока не поддается расшифровке. Очевидец продолжает: «8-го месяца 1374 г. Мы с отцом закончили писать книгу о хазарах Крыма. А в 1378 г. Отправились в путешествие из Крыма на землю Сибилти, для того, чтобы написать историю хазар, куман и алан». Здесь он перечисляет племена, живущие на тех или иных местах, реки и крепости. Многие из них до сих пор не изменили свои названия. Реки Кубань, Терек, Чегем, Лаба... Крепости (ныне населенные пункты) – Хурзук, Учкулан, Джебегетей... Городища Гиляч, Хумара, Карт-джурт, Амгата...

После года скитаний Барлыу с отцом приходит в крепость Темиран в районе Бештау. Гостят там, у князя Темирболата, и уходят домой в Крым. Сын князя – Карча идет с ними для обучения грамоте. На этом имени нам следует остановиться конкретно. Карча – один из средневековых карачаево-балкарских князей. Начинается с третьей глав, страницы летописи в основном посвящены ему. Ботай был писарем военачальника Карчи. Карча в 2 года попадает в плен к войскам Тимура, уводиться в Бухару и продается в рабство. Потом вступает в войско Тимура. Сбежав к взбунтовавшимся кашгарам и киргизам, борется против великого завоевателя. Вернувшись на родину, создает княжество карачаевцев и балкарцев и обороняет его от иноземных врагов. В Приэльбрусье до сих пор есть местность, носящее имя Джантууган, - так звали сына Карчи, и основанное Карчой селение Эльджурт. Когда поселение сильно пострадало от селевых потоков, Карча с частью населения ушел в Картджурт.

Хазарская летопись еще до конца не изучена, думаю, что ученые еще скажут о ней свое веское слово.

В 630 г. В степях восточного Причерноморья образовалось государство Великая Болгария под предводительством хана Кубрата. После смерти Кбрата его сыновья с подвластным народом разошлись в разные стороны. Старший сын Батбаян (Баян) остался на родине, Котраг ушел на берега Волги, Аспарух пошел на Дунай на территорию современной Болгарии и основал там первое Болгарское царство. Еще два сына, предположительно Альцек и Кувер, ушли в Паннонию (Венгрия). Альцек потом пошел еще дальше, в Италию. Считается, что болгары – потомки сыновей Кубрата явились этнической основой современных болгар, татар, чувашей, башкир и балкарцев, и карачаевцев.

В середине VII в. Батбаян и Котраг вошли в состав Хазарии. Болгары и хазары были родственными тюркскими племенами. И не

только они. К ним следует причислить сибиллов, кипчаков, алан, куман, аваров, барсиллов.

До сих пор спорным является вопрос относительно исчезновения Хазарии. Некоторые историки считают X век (965г. – поход Святослава) концом государства. Многие хазароведы, в том числе крупнейший американский ученый Д.М. Данлоп, А.Н. Поляк утверждают, что Хазарское государство просуществовало до XIII века.

Судя по летописи Бырла, после царя Иосифа (950 г.) Хазарией правили еще четыре кагана. Так что более правдоподобно выглядит вторая версия. Кендер-хаганы становятся самостоятельными ханами при Турнагиле (Дургулее Великом, 1065г.) – Алания отделяется от Хазарии. Можно утверждать, что по крайней мере до второй половины XI века Хазария еще существовала как государство. После распада Хазарии страной стали править куманы. Монголы (1222-1254 г.) и Темерлан (1395 г.) словно смерч прошли по территории бывшей Хазарии. Многие были убиты или угнаны в плен. Оставшимся аланам, хазарам, булгарам, куманам пришлось уйти в горы или искать прибежище в других странах.

В 1424 г. На территории бывшей Алании образовались три княжества (эллик): карачаевское, балкарское и кумыкское. Их потомки живут соответственно в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и в Дагестане. Об этом пишется в пятой главе (сорукат) летописи. Преемственность народов с древнейших времен на Северном Кавказе можно изобразить так: *(ДРЕВНЯЯ СТРАНА ТЮРКОВ) СКИФИЯ – СИБИЛ – ГУННЫ – ВЕЛИКАЯ БУЛГАРИЯ – ХАЗАРИЯ – КАРАЧАЕВЦЫ + БАЛКАРЦЫ + КУМЫКИ + НОГАЙЦЫ.*

РУСЛАН ТИЛОВ (КБР, г.Нальчик)

О полиэтничности «кобанцев»

Кавказ - один из интереснейших, с исторической точки зрения, регионов Евразии. Его географическое положение на стыке Юго-Восточной Европы и Малой Азии стало причиной формирования самобытной кавказской культуры. Здесь, как свидетельствуют археологические данные, проходили древние пути миграций народов Восточной Европы, Малой и Средней Азии, происходили контакты европейских, ближневосточных и среднеазиатских культур. Эти исторические процессы и оседание определенной части миграционных потоков сформировали сегодняшний полиэтничный облик Кавказа, который справедливо называют «горой народов и языков». Изучение этих миграционных волн, выявление их этнического содержания поможет приоткрыть многие страницы древней истории Кавказа.

Но к сожалению современное кавказоведение базируется на теориях столетней давности и не может ответить на ряд важных вопросов по истории формирования полиэтнического населения Кавказа. Аксиомой в кавказоведении считается существование древней кавказской языковой семьи, к которой относят языки картвельские, нахско-дагестанские, адыго-абхазские. В тоже время носителей иранских и тюркских языков, конкретнее современных осетин и карачаево-балкарцев, считают «пришлыми наслоениями» представителей мира кочевников на кавказский субстрат. Должен заметить это глубокое заблуждение и довольно веские аргументы этому заявлению имеются. Основные и явные противоречия в кавказоведении на мой взгляд в следующем.

Во-первых. Термин языковая семья подразумевает этническое родство народов, языки которых восходят к одному праязыку и естественно их носители должны понимать друг-друга хотя бы на уровне базовой лексики, слов: мать, отец, ребенок. гора, река, дерево, камень, огонь и т.д. Но такого взаимопонимания у представителей так называемых кавказских языков не наблюдается. Вайнахи не понимают язык адыгов, представители картвельских языков и тех и других, а полиэтнический Дагестан пользуется одним из основных языков в качестве межнационального. Ранее это был кумыкский язык, сегодня русский.

Таким образом, можно констатировать, что термин кавказская языковая семья представляет собой понятие географическое, а не лингвистическое. Вероятно, не маловажную роль сыграла в советской науке и идея интернационализма, призывавшая сблизить народы СССР и в перспективе слить их в единый этнос с единым государственным языком.

Без должного внимания остались в кавказоведении выводы известного немецкого востоковеда и санскритиста Макса Мюллера, утверждавшего о родстве ряда кавказских языков с финно-угорскими и самодийскими, о механическом, а не генетическом родстве кавказских языков, основанном на взаимопроникновении лексики. Также без должного внимания остались выводы известного российского лингвиста А.Старостина, конкретно указавшего на родство ряда кавказских языков с языками народов южной Сибири и Дальнего Востока, объединяемых им в енисейскую языковую семью. На основе известного исторического факта о продвижении гуннского союза племен из северного Китая вплоть до Франции, об их присутствии в раннем средневековье в Предкавказье можно предположить и объяснить вышеуказанные факты лингвистического характера миграцией носителей енисейских языков на Кавказ. Исследования в этом направлении представили бы довольно интересный научный результат, но, к сожалению в кавказоведении оно тщательно обходится стороной.

Если кратко резюмировать эту гипотезу - языковедение в кавказологии не смогло пока не объяснить происхождение народов, называемых кавказскими, не установить внешние связи их языков. **Во-вторых.** Утверждения о существовании так называемого кавказского субстрата, являвшегося носителем одного из кавказских языков, не аргументированны должным образом. Никто еще не доказал на каком из так называемых кавказских языков разговаривало древнее население Центрального Кавказа в эпоху бронзы. Загадочные представители кавкасионского анротипа - аборигены Кавказа, на сегодня не имеют этнического лица. В тоже время они признаны субстратом в формировании карачаево-балкарского, осетинского, вайнахского, сванского народов. При сопоставлении данных лингвистики и антропологии возникает следующее противоречие. Носителями кавкасионского анротипа являются преимущественно жители центрального Кавказа - сваны, осетины, карачаево-балкарцы. вайнахи. Представители иных кавказских языков - дагестанцы и адыги отличаются в этом отношении от кавкасионов, т.е. генетически не восходят к древнему населению центрального Кавказа эпохи поздней бронзы. Т.е. носители языков, объявляемых древними языками Кавказа, не являются древними кавказцами в антропологическом отношении. **Как объяснить это противоречие?**

факты и иного рода, связанные с формированием кавкасионского анротипа как такового. Известный советский антрополог Ф.Дебец указывал на родство этого анротипа с древним населением русской равнины, что аргументируется и археологическими материалами, определенными связями археологических культур Кавказа с носителями культуры боевых топоров и шнуровой керамики.

Говоря о Кавказе и древних кавказских народах, в число которых ученые даже не мыслят включить тюркоязычных карачаево-балкарцев, необходимо отметить и другие факты. Одно из самоназваний карачаево-балкарцев - таулу. дословно означает «горец», что противоречит некоторым теориям о позднем степном происхождении этого народа. Да и существовавший у нас социальный термин «таубий», дословно «горский князь», свидетельствует о древней истории карачаево-балкарцев в пределах Кавказа. В тоже время среди других кавказских народов самоназвание «горец» является довольно редким, а у ряда народов, признанных наукой аборигенами Кавказа, не употребляется вовсе. Термин «горский» употребляется и в фразе «тау адет» -горский обычай, которым карачаево-балкарцы называют свой свод обычаев и этических норм. Этот факт также свидетельствует о несостоятельности выводов о позднем и «пришлом» характере появления наших предков на Кавказе.

В **третьих**. Длительное проживание в условиях высокогорья формирует у любого народа специфичную культуру, ориентированную на приспособление к ландшафту. Это и формы хозяйствования - отгонное животноводство, содержание скота на кошарах, а не в малоземельных населенных пунктах. Широкое использование природного материала - камня, бревен, в домостроительстве. Древность и кавказские истоки зодческих традиций карачаево-балкарцев достаточно аргументированы в научной литературе, в частности, в книге Э.Б.Бернштейна «Архитектура балкарского народного жилища». Да и карачаево-балкарский термин «**тау юй**» - горский дом, которым они называют свое жилище, опять таки свидетельствует о горском происхождении карачаево-балкарского народа. В тоже время у ряда народов, декларируемых в науке кавказскими аборигенами, термин «горский» не употребляется применительно к жилищу, своду обычаев и этических норм, социальной верхушке, а в народном зодчестве не употреблялись бревна, камень, а жилища строились из обмазанного глиной плетня или самана, перекрывались камышом. Противоречия этнографических данных и научных гипотез налицо.

Относительно традиционного карачаево-балкарского срубного жилища (избы), можно отметить ее уникальность в зодческих традициях народов Кавказа и сопоставить эту традицию с срубной культурой, носителями которой являлись скифы, являвшиеся по мнению автора данного выступления выходцами с Кавказа и греческая калька этнонима которых - Скютэ, является переводом тюркского этнонима «балгар».

Чтобы быть последовательным вышеприведенные аргументы об автохтонности карачаево-балкарцев необходимо привязать к определенной археологической культуре Центрального Кавказа, а учитывая что представителями того самого кавкасионского антропота являлись создатели кобанской культуры, можно предположить о присутствии в их среде **прямых и тюркоязычных предков карачаево-балкарцев**.

Это утверждение также не голословно, завершается подготовка к изданию книги по проблеме происхождения и внешних связях кобанской археологической культуры. Она является частью комплексной исследовательской работы автора в области антропологии, основанной на сопоставлении археологических, историографических, этнографических и лингвистических материалов с целью этнической интерпретации ряда археологических культур и освещения древнейших миграционных процессов, происходивших на всей территории Евразии.

Имеющееся на сегодня представление о древней истории, не смотря на довольно скрупулезную фиксацию и описание археологических материалов, не дает окончательного ответа на

основной и самый естественный вопрос о создателях той или иной археологической культуры - на вопрос об их этнической принадлежности, хотя бы в рамках языковой семьи. Под понятием языковой семьи, в данном случае, нужно понимать принадлежность к малым языковым семьям: славянским, германским, угорским, тюркским, иранским и т.д. Апелляция к понятиям языковой макросемьи -индо-европейской, урало-алтайской, семито-хамитской и т.п., при этнической интерпретации археологических культур бронзового века и античности, не совсем соответствует истине, поскольку к тому времени многие нынешние народы были этнически оформлены, говорили на языках довольно близких к их современным и, возможно, были известны соседям под теми же этнонимами, что и сегодня.

За прошедшее столетие накоплен огромный объем материала в отраслях науки, занимающихся проблемой происхождения человека, рас, языков. Появилось много современных методов обработки полученных материалов, основанных на внедрении технологий XX века. Но, несмотря на происходящие прогрессивные изменения в методиках и техническом обеспечении проводимых исследований, неизменными остаются некоторые основополагающие доктрины в исторической науке, как российской, так и зарубежной, требующие пересмотра, согласно, накопленному материалу. Незыблемость ряда этих доктрин была основана на определенных идеологических предпосылках, сформулированных не в научной среде, но имеющих своих активных сторонников и в научных кругах. Это относится к этнической интерпретации ряда древних народов, населявших юго-восточную Европу и Кавказ в период поздней бронзы, античности и раннего средневековья: киммерийцев, скифов, сарматов, алан и т.д. Устаревшая концепция о сплошном ираноязычии кочевых народов Восточной Европы, Средней и Центральной Азии в период античности так и не смогла удовлетворительно ответить на многие вопросы, связанные с их историей и культурой.

Не менее щепетилен и вопрос о древности заселения германскими племенами территории Крыма, Причерноморья и Центрального Кавказа. Именно этот факт древней истории мог стать ключевым в процессе создания в середине XX века – в период противостояния Германии и СССР, идеологически выверенной, геополитической ретроспективной истории СССР. Это были попытки «уместить» древнюю историю народов и территорий в границы современного государства. Справедливости ради надо отметить, что подобный подход к истории был характерен не только для советской науки.

Доказательства факта присутствия германского компонента в среде скифских и кавказских племен в период античности - это не

открытие XXI века, тем более автора данной книги. Об этом известно давно, просто эту тему не принято было муссировать в советской науке. Отношение же к этим фактам современной российской науки покажет время.

Как отличить материальную культуру одного древнего народа от культуры другого? И на сколько однотипной может быть культура единого этноса? Здесь имеются широко используемые в археологии методы описания, статистической обработки и сопоставления погребений и инвентаря. Но есть еще один аспект, не использовавшийся в науке.

В вышеупомянутой книге вниманию специалистов и подготовленных читателей будут предложены весьма нетрадиционные методы трактовки этнической принадлежности некоторых древних археологических культур и народов, причастных к их созданию. Метод, которым пользовался автор, весьма прост и основан на сопоставлении археологического и лексического материалов, поскольку история материальной культуры каждого народа отражена в лексике его языка. Памятники культуры древних народов, произведения прикладного искусства убеждают нас в том, что их создатели не были людьми примитивными или интеллектуально ограниченными. Наши далекие предки создали основы того, чем мы широко пользуемся и сегодня, развивая и далее: керамическое производство, металлургию, металлообработку, ювелирное дело, зодчество, письменность, ткачество, животноводство, земледелие, мореходство и т.д. Касаясь вопроса происхождения письменности, нетрудно предположить, что наиболее проблемной для наших предков могла быть потребность в **фиксации, хранении и передаче информации**. Именно эта проблема могла толкать их на поиски в этой области. Как отобразить, зафиксировать слова в материале: камне, глине, дереве или металле? Из области интеллектуальной, по мере давления этой проблемы, она перемещалась и в сферу быта и ремесла. Речь и методы ее отображения на материальных носителях стали своего рода лингвистическим «кубиком-Рубика» для определенной части социумов. Так стала появляться пиктография - рисуночное письмо, которое читалось не фонетически, а образно. Больших проблем передать посредством рисунка имена существительные типа: «человек»; «гора»; «дерево»; «река»; «медведь»; «олень», не составляет труда, но как передать глаголы - слова действия, или прилагательные - слова качества. Тут и возникла задача, как отобразить через рисунок прилагательное «красивый» или глагол «думать». На помощь могла придти игра слов, заключенная в каждом языке, и имеющая довольно характерную индивидуальность. К примеру, числительное «сто» немец может передать через знак «собака», поскольку в германском языке в

числительном «Hundert» - 100, содержится существительное «Hund» собака. Славянин может нарисовать «стог» для передачи числительного «100». Тюрк нарисует «круг» или «пловца» поскольку в его языке числительное «100», слово «жуз», фонетически тождественно существительному «круг» и глаголу «плыви». Так на смену понятийно-рисуночному письму - пиктографии, могло придти фонетическое письмо, в котором знак, рисунок стал передавать не понятие, а фонему. Если слово было длинным, его могли попытаться разбить на отдельные составные части-слова. Например, германское слово «bereiten» - готовить, приготавливать, можно расчленить на слова «Bag» - медведь, и «reiten» - ездить верхом. Таким образом, в абстрактно представляемой немецкой фонетико-пиктографической письменности рисунок «медведь на коне» может передавать фонетически понятие «готовить, приготавливать». **Отмечу, что выразительные возможности для такой письменной передачи информации довольно индивидуальны для каждого языка.** Это и есть суть авторской методики этнической интерпретации археологических материалов эпохи бронзы.

Люди, озадаченные проблемой передачи информации, изобретали методы ее фиксации и отображали ее на изделиях ремесла и прикладного искусства. Революционным являлось открытие самого принципа письма, как средства сохранения и передачи информации, а методы его осуществления могли быть многовариантны. Так зародился фонетико-семантический стиль прикладного искусства, получивший в археологической науке название «**зооморфный стиль**». Изображения на предметах зачастую являлись фонетической передачей их названия или глагола, передававшего их функциональное назначение. Истоки зооморфного стиля и факторы, обеспечивавшие его преемственность с эпохи бронзы до раннего средневековья не получили должного разъяснения в науке. Существующий на сегодня подход к элементам зооморфного стиля в керамике и металлопластике, как к индивидуальному творческому мотиву, возникшему у конкретного ремесленника, не совсем соответствует истине. Конечно, полностью отрицать факт индивидуальности и своеобразия стиля отдельного мастера в прикладном искусстве было бы неверно, но существующий археологический материал свидетельствует о чрезвычайной устойчивости отдельных элементов зооморфного стиля. При этом эти элементы сохраняются на протяжении столетий, с разрывами во времени и затем возникают, зачастую, на довольно отдаленных друг от друга территориях. Как объяснить подобные факты? Предположим, **один древний ремесленник вводит в производственный оборот один элемент зооморфного стиля, как**

плод своего воображения и абстрагированного восприятия производимого им предмета. Данный элемент стиля может воспроизводиться лично им неоднократно, если он считает его удачным, эстетичным и не обременяющим изделие при его функциональном использовании. Кроме него эту форму могут копировать его коллеги по цеху и ученики. Помимо художественно-эстетических истоков появления элементов зооморфного стиля, существуют и мотивы, связанные с различными религиозно-тотемистическими представлениями. Данные элементы будут отражаться преимущественно на предметах ритуального назначения.

Анализируя элементы зооморфного стиля и орнамента на керамических и металлических изделиях указанного периода, автор данного исследования и пришел к твердому убеждению о существовании «лингвистического» источника в появлении определенных художественных элементов и форм. В подавляющем числе случаев форма предмета или рисунок на предмете выполняли роль фонемы, и служили для передачи его названия или глагола его функционального назначения. Таким образом, это была оригинальная форма письма, основанная на «народной» этимологии названия предмета. Констатация этого факта и применение методов лингвистического анализа позволили не только объяснить возникновение многих элементов и форм, но и установить этническую принадлежность их создателей. При этом этническая интерпретация археологической культуры, в материалах которой были выявлены исследуемые зооморфизмы, была построена на основе комплексного анализа, включавшего в себя:

1. анализ семантики элементов зооморфного стиля в археологических материалах с этнической интерпретацией их создателей;
2. анализ сообщений письменных источников данного периода о народах населявших территорию данной археологической культуры;
3. анализ современных научных версий о генезисе, хронологии и внешних связях данной культуры;
4. анализ лексики современных народов, проживающих на данной территории, на предмет выявления лексических заимствований из языка создателя исследуемой археологической культуры;
5. анализ мифов и легенд современных насельников территории и потомков ее древних обитателей, с целью выявления дополнительного аргументирующего материала.

Естественно, углубленные и детализированные исследования по всем этим пунктам непосильны для одного автора, поэтому данное

исследование построено на макро-уровне. Лингвистически анализировались наиболее оригинальные предметы, устанавливалась этническая принадлежность их создателей. В результате были определены три этнических компонента в составе кобанских племен. Это - карачаево-балкарцы, туркмены из племени игдыр, казаяклы, салыр, и самое удивительное - германцы. Все три языка явно и скрупулезно отражены в зооморфных изделиях, гравировках на кобанских топорах, поясах, кинжалах, шильях, застежках, посуде и т.д.

Постулируя существование лингвистического источника в возникновении ряда устойчивых во времени и пространстве художественных канонов и подчеркивая его роль в их консервации, приведу некоторые примеры из археологии. Речь пойдет о довольно оригинальных изделиях имевших широкое распространение сапожкообразных сосудах для питья (Табл.1).

Демонстрация нижеследующего ряда керамических и металлических сосудов, изготовленных в хронологически разные эпохи, охватывающие три тысячелетия, и выявленных на довольно отдаленных друг от друга территориях, явно указывает на то, что эта художественная форма, не продукт индивидуализма и отвлеченной абстракции ремесленника. Она не имеет объяснения, ни с точки зрения общепонятных ассоциативов, ни с точки зрения улучшения функциональности такого древнего изобретения, как керамический сосуд для питья. Заметим, что это именно сосуды для питья, а не для хранения жидкостей. Существенные хронологические разрывы в датировке этих экстравагантных изделий не позволяют говорить о преемственности форм, так же, как и их территориальная разбросанность. Спонтанность их появления и устойчивость «обувной» интерпретации сосудов связаны с этнической принадлежностью их изготовителя к тюркской языковой семье. Во многих тюркских языках, в том числе и карачаево-балкарском, слово «аякъ» имеет два значения - «нога» и «чаша для питья».

Табл.1 Сапожкообразные сосуды:

1. Украина. Трипольская культура. IIIтыс. до н.э.
2. Турция. Анатолия. Кюль-Теле. IIIтыс. до н.э.
3. Венгрия. Область Хайду-Бихар. Культура Эдьек. Бронзовый век.
4. 4-7. Закавказье. Армения, Азербайджан. Середина I тыс. до н.э.
8. Кавказ. Кобанская культура. Вторая половина IIIтыс. до н.э.
- 9-10. Иран. Хасанлу. XI век до н.э.
11. Северное Причерноморье. Первые века н.э.

Не буду вдаваться в подробности того, как образовалось такое двусмыслие в тюркских языках, просто сопоставлю эту игру слов с древнейшей традицией изготовления сапожкообразных сосудов. Данный лингвистический факт - слово «аякъ» - 1.нога; 2.чаша, проясняет спонтанность возникновения и одновременно устойчивость существования этой художественной формы керамических сосудов для питья, продиктованной игрой тюркских слов. Эта игра слов тюркского языка может стать основой калькированного заимствования в другие языки и аналогичных лексических связей «нога-сосуд», но в тюркских языках она имеет объяснение и этимологию. Интерес, в этой связи, представляет происхождение русского слова «бутылка», германского «Buttel», английского «Bottle» в том же значении «сосуд». В корне этих слов присутствует общетюркское слово «бут» - нога, синоним слова «аякъ»-1.нога; 2. чаша. Как известно лексика распространяется и методом калькирования.

Теперь обратимся к германскому языку и проведем историко-этимологический анализ одного из слов означающих сосуд для питья. Слово «Wockal/Роскал» - бокал, кружка, имеет несомненно германское происхождение и происходит от слова «Wock», означающего «козел», «баран», «бык». Связь понятия «сосуд для питья» с названием этих домашних животных довольно прозрачна,

поскольку их обработанные рога издревле служили в качестве сосудов для питья. Небьющихся и функционально удобных. Их можно носить подвесив к поясу. Рога-сосуды использовались у многих народов, но в германском языке этот факт отражен в лексике, что предопределяет возможность материализованной реализации этой игры слов германским мастером-керамистом или ювелиром. Теперь обратим внимание на приводимый ряд сосудов

Рис.1

Рис.2

Рис.3

Рис.3 Скифские друзья с рогом - бокалом.

2. Иран. Серебрянный ритон в виде головы барана. Век до н.э.

3. Кобанский ритон с протомой в виде головы тура.

для питья, изготовление которых гипотетически можно приписать германском) мастеру.

Другое общеизвестное русское слово «кубок», вероятно, также имеет древнегерманское происхождение и означает «бык», дословно «самец-коровы», отражая традицию изготовления сосудов для питья из бычьих рогов. Ригоны, i.e. кубки, изготовленные в виде бычьей головы также известны среди археологических находок, свидетельствуя об этнической принадлежности их изготовителя к германской языковой семье.

Надеюсь, что на данных примерах суть авторского метода лексического чтения художественных элементов керамических и металлических изделий стала понятной. Как видно основанная на этом методе этническая интерпретация создателей тех или иных оригинальных форм керамики или металлопластики может иметь довольно высокую достоверность.

Теперь, поскольку работа нашего семинара посвящена этногенезу карачаево-балкарцев и ставит своей целью доказать их автохтонность на Кавказе, обращусь к лексико-семантическому анализу элементов художественной пластики и зооморфного стиля одной из ярких археологических культур Кавказа эпохи поздней бронзы -Кобанской археологической культуры.

Подобный анализ явно свидетельствует о присутствии в рамках этой культуры трех этнических компонентов: карачаево-балкарцев, туркмен и германцев. Можно утверждать, что данное сообщество находилось на стадии двуязычия, т.е. определенные слои населения владели как родным языком, так и языком соседнего народа. Подобная межэтническая ситуация довольно банальна и имеет множество аналогий как в древнейшей, так и в новейшей истории мирового общежития.

Теперь перейдем к чтению истории Кавказа по археологическим материалам кобанской культуры, рассматривая отдельные группы предметов. При этом будем пользоваться вышеописанным методом, анализируя семантику гравированных изображений и металлопластики, сопоставляя ее с лексикой заявленных языков с целью выяснения этнической принадлежности мастера-металлурга.

1. ТОПОРЫ. Один, из довольно специфичных элементов древней Кобанской культуры, с характерной формой изгиба и весьма оригинальными гравировками на лезвиях. Рассмотрим семантику их гравированных изображений, среди которых встречаются изображения оленей, собак, козлов, лошадей, рыб, змей, несопоставимые с функциями топора, как инструмента. Массовы также изображения свастики, которую всегда расценивают как солярный знак. Естественно, подобные гравировки должны вызывать интерес и находить логичные объяснения. **1. Олень, собака, змея.**

Одни из устойчивых зооморфных сюжетов в гравированных орнаментах кобанских топоров. В контексте нашего исследования интерес представляет сопоставление названий оленя, собаки, змеи и топора в языках этносов, заявленных как создателей кобанской культуры.

САГ - олень. Очень интересное слово, присутствующее в нескольких языках, принадлежащих к разным языковым семьям. Оно присутствует в осетинском языке, но не является общеиранским. Присутствует в древнегузском, бурятском, монгольском, тушинском, славянских языках, иногда с незначительной трансформацией корневого гласного.

1. Sag - олень (осет).
2. Sagaan - олень (бурят).
3. Сугак - антилопа (украин).
4. Сайгак - антилопа (русск). Вероятно из древнегузского «сагак», сопоставимого с украинским «сугак», закономерно перешедшего в тюркских языках в форму «сайгак» и заимствованного в русский язык.
5. Suhak - антилопа (польск).

б. Сугун - олень (туркм.).

7. Саг - олень (тушин.)

В древнеогузском языке слово «саг» довольно многозначно, и означает: олень, козел, собака, голень ноги, глагол «доить», «сжимать», и т.д. Именно многозначность этого древнетуркменского слова сыграла огромную роль в появлении ряда художественных форм в зооморфной металлопластике и орнаментах на изделиях, начиная с эпохи бронзы.

Тюркский глагол «ур» - бей, является омонимом или ложным корнем существительных «ур», «уран» - змея. Таким образом, изображение змеи, в тюркской трактовке, может передавать глагол «бить». Изображение змеи на топорах встречается на Кавказе и в период средней бронзы - в северокавказской культуре, с которой связана последующая кобанская культура (С.Б.Бурков, 1985, с. 140, 142, 144; С.Н.Кореневский. 1984, с.263, рис.9.5, 9.10).

САГА - топор, мотыга. Данное древнеогузское название и мотыги и топора происходит от глагола «саг» - бить, колоть. В грецизированной форме «сагарис» оно засвидетельствовано Геродотом (IV.70) при описании боевого вооружения массагетов, признанных по данным этнографии предками современных туркмен. Все анализируемые фонетические формы с «саг» восходят к огузским диалектам, к которым принадлежит и туркменский язык. Даже для современного туркменского языка характерны наиболее древние фонетические формы ряда общетюркских слов. Древнеогузское слово «сага» - топор, в фонетической форме «сугэ», присутствует и в монгольском языке. В лексике карачаевского языка также присутствует древнеогузское слово «сага» - мотыга; топор-кельт. Это слово «чага» - мотыга. При этом надо отметить, что для карачаевского языка характерна замена огузского начального «с» на «ч» в целом ряде слов: сач/чач - волосы; сачак/чачакъ - бахрома; сичхан/чичхан -мышь; сага/чага - мотыга; сакъ/чакъ - время, и т.п. Такие же переходы начального «с» в «ч» имеются и в узбекском языке. Рассмотренная огузская лексика фонетического ряда с корнем «саг» и мотыга, топор, показывает, что варианты **олений, собак, змей, козлов** являются и **огузскими фонетико-семантическими комплексами**, отражавшими название топора или передававшими глагол «бить». Именно комплексами, потому, что в ряде случаев на топорах одновременно изображаются и олень и собака. Тот факт, что огузское слово «саг» - собака, присутствует в слове «сага» - топор, в качестве фонемы в массовом количестве отражено на гравировках и пластике топоров и колхидской культуры, родственной кобанской. Скульптурные фигурки собак на обухе топоров приводимой Теховым Б.В., известны по находкам в с. Рене. Каспского района Грузии. в Галиатском могильнике. Из 12 топоров подобного

типа 10 экземпляров происходят с территории Грузии. Но предлагаемые трактовки этого зооморфизма - собака на обухе топора, ошибочны. Так М.М.Трапш связывал фигурку собаки на куланурхвском топоре с божеством Айтар - великим богом природы, размножения и особенно скотоводства. (Техов Б.В. 1988. с.72), что малоубедительно.

Возвращаясь к гипотезе об этногенетической связи осетин-дигорцев с огузами-туркменами, отмечу, что у дигорцев, в качестве пословицы, сохранилось выражение «**пришел как олень к топору**». Подобная пословица есть и у карачаево-балкарцев. Вероятно, это калькированно сохранившийся фразеологизм или пословица из древнеогузского языка, где существовала игра слов «олень» и «топор». А этих пословиц с вышеописанными кобанскими топорами о проживании карачаево-балкарцев уже в рамках кобанского населения.

Другое древнеогузское и древнетюркское слово «сагау» -шило, сохранившееся в карачаево-балкарском языке в закономерной форме «сайау», также содержит целый ряд слов: «саг» - олень, собака, козел, «сага» - топор», что стало основой традиции кобанских металлургов изображать на шильях собак козлов, оленей, придавать им топовидные очертания. В археологической литературе принят термин «собака с шиловидным носом» при описания зооморфных изображений собак на кобанских шильях. Почему собак изображали с загнутым шиловидным носом? Потому, что в туркменском языке существует устойчивый фразеологизм «ит бурун», означающий, «шип», «колючка», «заноза». Золотая заколка для волос с изображением оленя найдена недавно и совместной российско-германской археологической экспедицией при раскопках скифских царских курганов в Туве.

Карачаево-балкарцу легко понять слово «бурма» - завитой, акрученный. Но в этнографии туркмен это слово означает еще и детские ножные браслеты-обереги, которые надеваются исключительно на мальчиков и носятся ими до достижения совершеннолетия. Эти лингвистические и этнографические факты имеют прямое отражение в традициях кобанцев надевать на голени детей - мальчиков спиралевидные браслеты, хорошо известные археологам. Подобные браслеты встречаются в кобанской культуре исключительно в детских и подростковых погребениях мальчиков.

Еще раз повторюсь, что стиль кобанских изделий это не просто набор художественных элементов, он очень легко читается фонетически на тюркском и германском языках.

Поскольку в начале данной книги утверждалось присутствие в составе кавказского населения, причастного к созданию кобанской культуры, и древних германцев, необходимо

аргументировать и это заявление. Доказательная база этого утверждения строится на том же методе фонетического «чтения» археологических материалов. По результатам исследования автора, каждая этническая группа кобанцев, пользуясь одним и тем же методом, изобретала свои зооморфные и орнаментальные сюжеты, исходя из игры слов в собственном языке или межязыковой игры слов. Это говорит о довольно тесных межэтнических контактах, имевших место и среди профессиональных групп металлургов. Логичность и естественность двуязычия в подобной полиэтнической группе населения уже высказывалась

Итак, приняв за рабочую гипотезу факт знакомства древних германцев с «лингвистическими» традициями древнеогузских ремесленников и их активную деятельность в сфере металлургии, автором была предпринята попытка выявить элементы зооморфной пластики и орнаментации, связанной с лексикой германского языка. Эти поиски германских «фонетико-семантических» художественных форм также дали весьма убедительные результаты.

Топоры, как известно, являлись одним из излюбленных видов боевого оружия древних германцев и средневековых викингов. И естественно автор занялся исследованием германской лексики, связанной с терминами «топор», «мотыга», «рубить», «колоть», «мотыжить» и т.д.

И выяснилось следующее. В современном немецком языке присутствует очень древнее и интересное слово «Наске» - мотыга. В древности, по результатам исследования автора статьи, оно также означало и топор. калькированно или независимо повторяя огузское многозначие слова «сага» - топор, мотыга. Фонетико-семантический ряд германских слов: «Наске» - мотыга; топор; «hacken» 1.колоть, рубить; 2.мотыжить; 3.клевать, долбить (применительно к хищным птицам) Эта фонетико-семантическая связь германской лексики и стала основой появления явно выраженных клювовидных топоров уже на ранней стадии становления археологических культур поздней бронзы Кавказа. Клювовидные топоры были характерны для Колхидской культуры Западной Грузии, которую ряд исследователей верно отождествляют с кобанской культурой, употребляя совокупный термин колхидско-кобанская культура. Классификация колхидских топоров приведена в книге Д.Л.Коридзе «К истории колхской культуры». изданной в Тбилиси в 1965 году. Приводимый здесь на рис.1 клювовидный топор из Хеви взят из указанной работы, таблица XIX, рис.5. Мнение о единой колхидо-

кобанской культуре основано на идентичности форм и гравировок топоров, являющихся определяющим элементом этих культур. Уже рассмотренные огузские фонетико-семантические комплексы: собака, олень, змея, также присутствуют и на колхидских топорах (табл. 1).

Одним из наиболее развитых в орнаментации кобанских предметов, как известно, является мотив свастики и острых крестов. Появление данного орнамента на определенных предметах не случайно, и связано с реализацией фонетических и семантических особенностей германского языка.

Анализируя германскую лексику, отмечу, что немецкие слова «**Наске**»-мотыга, топор, и «**hacken**» - колоть, рубить, ложно присутствуют в названии свастики - «**Hakenkreuz**», дословно значащем «крюковый крест». Это позволяет трактовать название свастики, как фонетико-семантический ряд: «топор-рубить-крест-свастика», т.е. «рубящий крест-свастика», что и стало лексическим источником появления **обычных крестов** и **свастик** на топорах изготовленных древнегерманскими металлургами, проживавшими на Кавказе (рис.2). Но это не единственно возможная игра слов в немецком языке. В указанном слове «Наске» -топор, мотыга, слове «Hackbeil» - топор-колун, ложно присутствует слово «Hack» - лошадь. Хорошая игра слов, для того, чтобы германский оружейник мог отразить это в гравировках на топорах. Данное предположение можно было бы считать авторской выдумкой, но на кобанских (рис.3), колхидских, а затем и скифских топорах действительно встречаются изображения лошади. Оно встречается на топорах из Тлийского могильника (Техов Б.В.1980. табл.108, рис.4; табл.113. рис.1), бронзовый топор

с фигурками лошадей на обухе был найден в окрестностях г.Гудауты (Техов Б.В.1988, с.72).

Теперь важно отметить факт, что в живом немецком языке существуют слова «Metze» - мера объема сосудов, «metzeln» - резать, колоть, фонетически созвучные карачаево-балкарскому слову «мет» означающем и «застежка» и «ромб». Данные балкаро-германские созвучия слов с корнем «мет» участвовали в образовании фонетико-семантических орнаментальных мотивов в кобанских изделиях: на коляще-рубящем оружии - топорах, кинжалах; на определенной керамике - мерах объема. На них появились ромбические узоры - карачаево-балкарская фонема «мет», входившая в состав немецких слов.

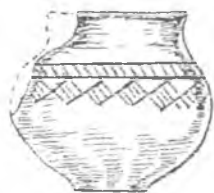

Рис 1

Рис 2

Рис 3

Рис 4

Одним из интересных геометрических орнаментов на кобанских топорах, является изображения клиньев (рис.7). Орнамент не случайный. Данный орнамент является художественной реализацией лексики германского языка, в котором от слова «Keil» клин, происходит легко этимологизируемый термин «Keilhaue» - кайло, дословно «клин - мотыга». Да и используемое в тексте русское слово «кайло», как видно восходит к германскому слову «Keil» - клин. Это дает основание предполагать, что клиновидная гравировка на кобанских топорах сделана немецким металлургом.

Возвращаясь к карачаево-балкарскому слову «мет», означающую ромбовидную застежку бурки, т.е. имеющую два значения: «застежка» и «ромб», отмечу, что ромбовидные гравировки встречаются на пуговицах кобанцев. как и отельные ромбовидные застежки. Именно древнее карачаево-балкарское слово «мет» - застежка, пуговица, стала основой общетюркского названия верхней одежды термина «бешмет», являвшегося согласно этимологии «пятипуговичным» кафтаном - «беш мет»

(кар.балк). Согласно данных этимологического словаря тюркских языков Севортыяна (Т2) слово «бешмет» не этимологизируется на почве ни одного тюркского языка. вероятно в силу того, что им не привлекались данные лексики карачаево-балкарского языка. Средневековой передачей карачаево-

балкарского слово «беш-мет» является гравировка на известной статуе аланского воина из Зеленчука. На ней на кафтане алана изображено **пять ромбовидных пуговиц - слово «беш мет»**. **Аналогов в графике иных средневековых стел с территории восточной Европы, Средней Азии и Центральной Азии - НЕТ.**

Возвращаясь к кобанскому периоду в истории карачаево-балкарцев отмечу еще один факт «народной этимологии», использованной в геральдике. Удивительная деталь кобанской культуры, должным образом не отмеченная многими исследователями. - **шейные гривны**, ставшие широко известными лишь столетия спустя в культуре скифов, кельтов, сармат, алан и целого ряда других народов. Роль кобанских племен в сложении материальной и духовной культуры степняков, да и самой истории степи. еще не оценена должным образом. Замечу, что самые древние образцы характерного для скифов и сармат вооружения, этнической символики и некоторые религиозные культы связаны с Кавказом и кобанцами.

Теперь подробнее о генезисе такого оригинального элемента культуры кочевников, как шейные гривны. Они появились не случайно, а явились результатом все тех же лингвистических упражнении и увлеченности кобанцев «народной» этимологией. В древнем карачаево-балкарском языке для обозначения рода употреблялись слово «ас», «эн», «сыр», откуда происходят слова: «асыл» родовитость, честь, благородство; «асыллы» - благородный (по происхождению рода): «сырма» - благородный, и термин «эн», означающий хозяйские, фамильно-родовые метки у скота, в виде тавра и ушных надрезов. В слове-этнониме «ас» - род, и скрыт источник возникновения элемента древнетюркской геральдики - шейной гривны. Древнее карачаево-балкарское существительное «ас» - род, фонетически абсолютно тождественно глаголу «ас» - души, вешай. В результате этого созвучия слово «асыл» - честь, благородство, происходящее от понятия «род», приобретает второй искаженный смысл - «удушись», а понятие «асыллы» - благородный, в виде игры слов трактуется как «удушенный». Таким образом, занимаясь «народной» этимологией, кто-то из предков карачаевцев и балкарцев и создал удушающую шейную гривну - «ожерелье благородства и чести». Оно было призвано для идентификации людей благородного происхождения, что говорит о существовании у кобанцев родов царского, княжеского, жреческого или иного благородного происхождения.

За несколько столетий до появления скифских гривен, кобанские гривны, наряду с типичными для кобанской культуры фибулами, пинцетами и булавками стали распространяться в западном направлении. Уже в начале XIII века до н.э. шейные

гривны появляются в Лужицкой культуре Центральной Европы, затем Высоцкой культуре Западной Украины рубежа II-I тыс. до н.э.. Галытатской и Латенской культурах Европы I тыс. до н.э. Шейная гривна и прямоугольная вертикальная ременная пряжка с ромбовидной гравировкой, близкие аналогии которой имеются в кобанских материалах, есть и среди материалов андроновской культуры. Это указывает на широкие внешние связи кавказского населения. **Вероятнее всего** шейные гривны на указанных территориях изначально появились вместе с их носителями, т.к. данный предмет являлся этно-геральдическим символом благородства и вряд ли мог экспортироваться как обычный товар. В дальнейшем этот символ благородства мог быть заимствован правящими социальными группами других народов, поскольку распространение элементов культуры одного народа в среду других явление мировое и известно с древнейших времен.

Туркмены Кавказа эпохи поздней бронзы. Кто они? **«Игдыр»** - это название одного из крупных родов у современных ставропольских туркмен. То, что они поселились в Предкавказье довольно поздно, в XVI-XVII веках, известный исторический факт, но это не исключает того, что

это весьма древний туркменский род, и его представители могли периодически совершать кочевки на Кавказ уже с древности. С родом Игдыр, по убеждению автора данной работы, связан еще один геральдический элемент среди материалов кобанской и ряда других культур. В состав этого рода Игдыр входит подразделение - **ру**, называемое **«казаяклы»**, дословно **«гусеногий»**, и действительно имеющее родовой знак-тамгу в виде **гусиной лапки**. Родовое подразделение «казаяклы» входило и в состав древнего туркменского племени **«салыр»**, обитавшего в северном Прикаспии на Мангышлаке. Общей племенной тамгой племени «салыр» также являлась **гусиная лапка** (А.В. Курбанов, «Ставропольские туркмены», 1995. с.36, табл.1). Эти этнографические факты необходимо сопоставить с известными гусинно-лапчатыми шумящими привесками, широко распространенными у части кобанского населения и выявляемыми также в погребениях Европы и Азии, в частности в культуре полей погребений и срубной культуры. А поскольку эта деталь не имеет утилитарного назначения, а является родовым знаком-тамгой, следует предположить, что она не могла экспортироваться как товарное изделие, а распространялась вместе с носителями родового знака - **туркменами из рода Игдыр, родовых подразделений «салыр» и «казаяклы»**. Поскольку фраза

«казаяклы» дословно означает «гусеный» стоит обратить внимание на кобанскую подвеску (рис.19) комментарии к которой излишни. Подобные совпадения родового знака- тамги. эпонима и современного топонима Игдыр в Армении. вышеприведенных кобанских материализованных фонетико-

семантических комплексов с языком и этнографией туркмен довольно серьезные аргументирующие факты.

Подробный анализ художественных элементов в прикладном искусстве древних металлургов и керамистов содержится в готовящейся к изданию книге. Приведенный в ней материал достаточен для утверждения германо-тюркской полиэтничности кобанских племен, и исходя из представленных материалов, автор предлагает рассматривать карачаево-балкарцев, как одних из древних аборигенных народов Кавказа, и принять это уже не как изначальную гипотезу, а аксиому в кавказоведении. Отрицание этого довольно аргументированного, по мнению автора, вывода входит уже в сферу идеологизированного и эмоционального восприятия истории.

Надеюсь дальнейшие исследования карачаево-балкарских ученых: археологов, этнографов, историков, лингвистов создадут прочный фундамент для восприятия собственного народа в качестве автохтонов Кавказа.

**Постановление I-х Тамбиевских чтений –
Межрегиональной научной конференции
по карачаево-балкарской историографии**

Отмечая исключительную актуальность разработки и решения проблем историографии карачаево-балкарского народа, сложившихся к началу XXI-го века,

учитывая то, что решение рассмотренных проблем имеет как теоретическое, так и прикладное значение не только для отечественной историографии (исторического кавказоведения и исторической тюркологии), но и широкого диапазона других научных дисциплин,

принимая во внимание особую значимость научных форумов в преодолении поднятых проблем,

участники Межрегиональной научной конференции по проблемам историографии карачаево-балкарского народа, представляющие специалистов исторических дисциплин учреждений академической и вузовской науки Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, решили, что:

1. Важнейшим условием преодоления рассматриваемых проблем является *межрегиональная интеграция научных ресурсов Балкарии и Карачая*.

В этой связи представляется целесообразным:

а) систематическое, раз в 1-2 года, проведение межрегиональных (в перспективе - всероссийских или международных) «Тамбиевских чтений» по карачаево-балкарской историографии (по имени И.Х.-Б. Тамбиева, первого ученого, который провел первое комплексное исследование истории обеих ветвей карачаево-балкарского народа);

б) создание с этой целью постоянного оргкомитета «Тамбиевских чтений» (до 10 чел.), действующего в период между чтениями; установить, что оргкомитет возглавляется сопредседателями (по одному от Балкарии и Карачая); координатором (контактным центром, хранителем банка данных, регулятором оперативного обмена научной информацией) оргкомитета определить Карачаевский НИИ.

2. Преодоление поднятых на конференции основных проблем историографии возможно также только при *междисциплинарной интеграции научных ресурсов Балкарии и Карачая*, т.е. совместных усилиях специалистов смежных дисциплин, причем как гуманитарных (исторические дисциплины, языковедение, искусствоведение, культурология и др.), так и естественных (антропология, генетика, география и др.).

3. Определить следующие приоритетные направления фундаментальных исследований исторического карачаево-балкарского народа:

а) проблемы *этногенеза*, в т.ч. разработки проблем исследования процессов формирования карачаево-балкарского народа по:

- определению удельного веса субстратного (автохтонного, горского) и суперстратного (номадического) компонентов
- определению удельного веса номадов (скифо-сармато-аланского, хазаро-болгарского, огузо-печенежского, кумано-кипчакского)

б) проблемы *политогенеза*, в т.ч. исследование:

- процессов возникновения, становления, распада государственных /этнополитических/ образований карачаево-балкарцев и их предков,

- общих и специфических черт политогенеза;

в) проблемы *социогенеза*, в т.ч. изучение:

- процессов формирования и развития социальных общностей (элит, сословий и др.)

- процессов регуляции социальных отношений.

г) проблемы *культурогенеза*, в т.ч. выявление у карачаево-балкарцев пластов культурного наследия, унаследованных от предков /1/, созданных самими /2/ и приобретенных в результате межэтнических контактов /3/.

4. Совместные усилия карачаево-балкарского научного сообщества должны быть направлены на скорейшее преодоление таких негативных моментов современного состояния исторического карачаево-балкароведения, как:

- затяжной кризис в подготовке национальных научных кадров-специалистов по археологии, антропологии, генетике, по применению современных технологий научных исследований и ряду других дисциплин;

- исключительно неудовлетворительное состояние профессиональных связей основной части региональных специалистов по карачаево-балкароведению с научными кругами центральных академических учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья;

- тиражирование работ некомпетентных авторов, дискредитирующих карачаево-балкарское научное сообщество.

5. Необходимы консолидированные усилия по активной разработке архивных материалов, освещающих карачаево-балкарскую историю, в т.ч. региональных (Нальчик, Черкесск, Владикавказ, Краснодар, Ставрополь), центральных (ЦГАДА, РГВИА и др.) и зарубежных (архивные хранилища Грузии, Турции, Украины /крымские дела/ и др.).

Определить архив Карачаевского НИИ головной научной структурой по аккумулярованию материалов карачаево-балкарского национального архива.

6. К очередной научно-практической конференции по историографии карачаево-балкарского народа (2005 г.) разработать 5-летнюю программу развития исторического карачаево-балкароведения. Рабочая группа по разработке Программы – Оргкомитет «Тамбиевских чтений», координатор – Карачаевский НИИ.

7. Обнародовать материалы конференции отдельным изданием. Публикацию сборника возложить на Карачаевский НИИ (И.М. Шаманов), содействие публикации – на Карачаево-Черкесскую региональную национально-культурную автономию (НКА) карачаевского народа (А.И. Герюгов).

8. Создать в Интернет-сети отдельный сайт по освещению работы конференции с открытым форумом по обмену мнениями среди широких слоев карачаево-балкарской научной интеллигенции с целью распространения результатов работы конференции в Интернет-сети.

9. Признать целесообразным выпуск периодического издания (сборника или журнала) по карачаево-балкарской истории.

10. Предложить НКА инициировать перед органами государственной власти решение вопросов:

- о возвращении объектов историко-культурного наследия, вывезенных с карачаево-балкарской территории в музейные хранилища других регионов;

- о восстановлении карачаево-балкарской исторической топонимии на картографической продукции.

11. Установить практику ежеквартальных обменов научными делегациями по профильным исследовательским темам.

12. Признать настоящую конференцию I-ми Тамбиевскими чтениями.

Источники и библиография

Р.М.Бегеулов

1. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. Майкоп, 1997.
2. Там же. С. 72.
3. Российский государственный военно-исторический архив. (РГВИА). Ф.13454. Оп.2. Д.296. Л.8об.
4. Там же. Л. 23об.
5. Там же.

Ш.М.Батчаев

1. Дубровин Н.Ф. Восточная война 1853-1856 гг. – СПб., 1877; Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. – СПб., 1908.
2. Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 гг. ТТ. 1-2. – М., 2002.
3. Тарле Е.В. Крымская война. ТТ. 1-2. – М. – Л., 1950; Бестужев И.В. Крымская война 1853-1856 гг. – М., 1956; Бушуев С.К. Крымская война (1853-1856 гг.). – М. – Л., 1940.
4. Погосян Е.Г. Кавказский фронт Крымской войны и армяне – Ереван, 1950; Бурчуладзе Е.Е. Крымская война и Грузия. – Тбилиси, 1960.
5. Касумов А.Х. Оборона Северного Кавказа в Крымской войне 1853-1856 гг. //Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Выпуск 6. – Ставрополь, 1957.
6. Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. – М., 1971.
7. Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. – Черкесск, 2002; Лайпанланы К.Т. Бизге магъанасы уллуду //Къарачай. – 2002. - № 70 (на кар.-балк.яз.); Шаманланы И.М. Экинчи Хасаука // Къарачай. – 2003. - № 77 (на кар.-балк.яз.).
8. Война 1877-1878 гг. /Под ред. С.П. Зыкова. – СПб., 1881-1882; Колюбакин Б.И. Русско-турецкая война на Кавказе и в Малой Азии. – СПб., 1906; Туттолмин И.Ф. Кавказская казачья бригада в Болгарии. – СПб., 1879; Баев Г.Е. Осетинский дивизион. – Владикавказ, 1903; Его же. Боевая служба осетин. – Владикавказ, 1915.
9. Маслов А.Н. Год войны в Малой Азии. – СПб., 1879; Максимов М.В. Две войны. – СПб., 1879.
10. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. /Под ред. И.И. Ростунова. – М., 1977; Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. – М., 1978; Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах (1875-1878 гг.). – М., 1979.
11. Санакоев М.П. Кавказ в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Дисс. ... д-ра истор. наук. – Цхинвали, 1982; Его же. Страницы боевой дружбы. (Осетины в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.). – Цхинвали, 1975; Его же. Из истории боевого содружества русского и осетинского народов (XVIII – начало XX вв.). – Цхинвали, 1987; Муталиев Т.Х. Чеченцы и ингуши в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Дисс. ... канд. истор. наук. – Махачкала, 1979; Его же. В

одном строю. – Грозный, 1978; Акиев Х.А. Народы Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Дисс. ... канд. истор. наук. – Грозный, 1980; Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси, 1972; Дзагурова Г.Т. Осетины в войнах России. – Владикавказ, 1995; Мальсагов М.Т. Ингуши в войнах России XIX-XX веков. – Нальчик, 2001; Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1982; Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. – Нальчик, 1977; Гаджиев А.Г. Участие дагестанцев в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. //Советский Дагестан. – 1978. - № 3; Карданов Э.Ч. Документы по истории совместной борьбы кабардинцев, балкарцев и русского народа против чужеземных захватчиков //Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Выпуск 8. – Нальчик, 1959; Вершигора А. Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны //Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. – Краснодар, 1995. С. 222-225.

12. Цаголов В.М. За Дунаем. – Орджоникидзе, 1985; Цаллагов М.И. На войне Дунайской. – Орджоникидзе, 1970.

13. Польская Е.И. Предшественники //Ленинское знамя. – 1966. - № 53; Вершигора А.Д. Боевое единение //День республики. – 1997. - № 6, № 9; Шкуро В.И. Освобождение Черноморского побережья //Вольная Кубань. – 1998. - № 18; Бардадым В.П. Ратная доблесть кубанцев. – Краснодар, 1993; Шаманов И.М., Эбзеева Л.А. Из истории боевого единства //Алиевские чтения. Тезисы докладов ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов КЧГУ. – Карачаевск, 1999. С. 250-251.

14. История русско-японской войны. ТТ. 1-3. – СПб., 1909; Русско-японская война 1904-1905 гг. – СПб., 1910.

15. История русско-японской войны 1904-1905 гг. – М., 1977.

16. Налоев А.Х. Всадники рассвета. – Нальчик, 1982; Бекузаров Х.Х. Свободы луч, игравший на штыках. – Орджоникидзе, 1976.

17. Гакаев Ж.Ж. Военный бунт в Маньчжурии //Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом (формы, характер, исторические последствия). Тезисы докладов и сообщений на региональной научной конференции. Грозный, 1990. С. 64-66; Лепилин Ю.П. Документы о формировании Кабардинской сотни //Там же. С. 66-67; Вершигора А.Д. Указ. раб. С. 224; Войтов А.В. К истории формирования Кавказской конной бригады и ее участия в русско-японской войне 1904-1905 гг. //Родная Кубань. – 1998. - № 10; Опрышко О.Л. Бывают странные сближения. – Нальчик, 1993; Дзагурова Г.Т. Указ. раб.; Мальсагов М.Т. Указ. раб.; Санакоев М.П. Указ. раб.

18. История первой мировой войны. 1914-1918. /Под ред И.И. Ростунова. ТТ. 1-2. – М., 1975; Коничев К.И. Хаджи-Мурат Дзарахохов. – Архангельск, 1957; Грунт А.Я. Старцев В.Н. Петроград – Москва: июль-ноябрь 1917 г. – М., 1984.

19. Габелиа Е.К. Абхазские всадники. – Сухуми, 1990; Опрышко О.Л. Указ. раб.; Его же. На изломе времен. – Нальчик, 1996; Его же. Кавказская конная дивизия. 1914-1917: Возвращение из забвения. –

Нальчик, 1999; Дзагурова Г.Т. Указ. раб.; Мальсагов М.Т. Указ. раб.; Санакоев М.П. Указ. раб.; Карпеев В.В. Дикая дивизия //Эхо Кавказа. – 1994. - № 3.

20. Махмудов М.Г. Участие Дагестанских конных полков в первой мировой войне. Дисс. ... канд. истор. наук. – Махачкала, 2000.

21. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая Дивизия. – Черкесск, 1991; Арсеньев А.А. Кавказская Туземная Конная Дивизия. – М., 1998; Марков А.Л. В Ингушском полку. – М., 1997.

22. Опрышко О.Л. Указ. раб.; Лайпанланы С.З. Джатдай //Ленинни байрагы. – 1991. - № 3-4 (на кар.-балк.яз.); Лайпанланы К.Т. Бизге магъанасы уллуду //Къарачай – 2002. - № 70 (на кар.-балк.яз.); Байрамукъланы У.З. Джатдай //Ленинни байрагы - 1991. - №№ 43-44, 47-48, 52-53 (на кар.-балк.яз.).

23. Хубийланы В.И. Топуракъ юлюш //Къарачай – 2000. - № 69 (на кар.-балк.яз.); Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крымшамхалова //Генеалогия Северного Кавказа. – 2002 - № 4.

24. Очерки истории Карачаево-Черкесии с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. – Ставрополь, 1967.

25. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). /Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. – М., 1988.

И.С.Кипкеев

26 - Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта у горских племен Северного Кавказа, С.76

27 - Шаханов Б.А. Избранная публицистика. – Нальчик:Эльбрус, 1991. – С.148

28 - Документы по истории Балкарии 40-90 гг. XIX в. - Нальчик, 1959. – С.87

29 - Там же, С.89

30 - Там же, С.89-90

31 - Там же, С.235 прим.34

32 - Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая..,– С.76

33 - Петров Г.С. Верховья Кубани – Карачай// Памятная книжка Кубанской области за 1880 год. – Екатеринодар, 1880.

34 - Алиев У.Д. Кара-халк. – Ростов-на-Дону, 1927. – С.47

35 - Цит. по: Невская В.П. Социально-экономическое развитие.., С.81-82

36 - там же, С.84

37 - там же, С.85, 89, 92

38 - Хатуев Р.Т. Из потестарно-политической культуры карачаевцев и балкарцев (Организация, идеология и символика власти). – Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. – Карачаевск, 2000. – С.3

39 - Невская В.П. Социально-экономическое положение.., С.129

Р.Т.Хатыев

40 - Подробнее см.: Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л.И. Лаврова. – М.: «Наука», 1980. – Часть 3. Надписи X-XX вв. Новые находки.

41 - Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. – М.:Искусство, 1979.

42 - Малахов С.Н. Алано-византийские заметки// Историко-археологический альманах. – Армавир-Москва,1997. – вып. 3. – С.154 (по материалам: Аджаиб ад-дунья («Чудеса мира»). – М., 1993)

43 - Тизенгаузен В.Г., Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб, 1884. – т.1, С.306

44 - Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М.:Наука, 1992. – С.132

45 - Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.// АБКИЕА, С.279

46 - Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. – Нальчик: Эль-Фа. 2000. – С.76

47 - Нурмагометов К.-М. Старинное надгробье, найденное в Карт-Джурте //Газ. «Ленинни байрагы». – Черкесск, 1991. – 27 апреля (на кар.-балк. яз.)

48 - Кагиева Н.М. О литературном наследии шейха А. Дудова-Бухарского //Карачаевцы и балкарцы (ответ. редактор – С.А. Арутюнов). – М.: Изд. Института этнологии и антропологии РАН. 1999. – С.325-328

49 - Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – С.77

50 - Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда, С.75, 76; Исследователь полагает: «не исключена возможность того, что кабардинские князья заимствовали форму мавзолеев у соседних горцев, в частности балкарцев и карачаевцев, имевших традицию сооружения склепов» (там же). Добавим, что такая традиция – в плане форм – карачаевцами, в меньшей степени балкарцами, была унаследована от предшествующего времени.

51 - Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда, С.75-76

52 - там же

53-там же, С.76

54 - Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С.101, 102, 103

55 - Хюсейн Хезарфренн. Телхис эль-бейан фи каванын-и али Осман// Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. – М.: «Наука», 1990. – С.268

56 - там же

57 - Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области. – Владикавказ, 1908. - С.301

58 - Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик: «Эль-Фа», 1999. – С.101

59 - Анучин Д.Г. Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Науч. ред., сост. Р.У. Туганов. – Нальчик: «Эль-Фа», 2001. – Т.2, С.261

60 - Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: «Илекса» – Ставрополь: «Ставропольсервисшкола», 2002. – С.124

61 - Грабовский Н.Ф., Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость: (Исторический очерк)// ССКГ. – Тифлис, 1876. – Вып.9, С.176

62 - Калмыков И.Х., Черкесы. – Черкесск, 1974. – С.183; Атажукин К., Заметка по статье г.Краббе// «Терские ведомости», 1870, №23.

63 - Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа //Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Науч. ред., сост. Р.У. Туганов. – Нальчик: «Эль-Фа», 2001. – Т.1, С.251

64 - Броневский С., Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823. – С.97-100

И.И.Маремшаова

65 Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952, т.1, кн. 1, с. 74.

66 Маремшаова И.И. Основы этнического самосознания карачаево-балкарского народа. Минск, 2000, с. 17.

67 Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1990; Его же. Конец и вновь начало. М., 2000.

68 Поплинский Ю. природа, человек, культура. Цивилизационный аспект // Евразия. Этнос. Ландшафт. Культура. СПб., 2001, с.7.

69 Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 2000, с. 144.

70 Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968, с. 93,98.

71 Мизиев И.М. Очерки истории и культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991, с.141.

72 Батчаев В.М. из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986, с.82.

73 Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1990, с. 445.

74 Исхаков Д.М., Измаилов И.Л. Этнополитическая история татар. Казань, 2000, с. 38.

75 Потапов Х.П. мифология тюркоязычных народов. Мифы народов мира. М., 1982, т.2, с. 539.

Т.Ш.Биттирова

76 Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН в рамках проекта «Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

77 Шаханов Б. Избранная публицистика. Вводная статья, составление, комментарий Т.Ш. Биттировой.

Нальчик, 1991

78 Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000, 108 с.

79 Джуртубаев М.Ч. Карачаево-балкарский героический эпос. М., 2004, 36 с.

А.А.Эбзеев

1 - Темиров Умар. Абхазия. Мир на час?// «Нарт». Газета Международной Черкесской Ассоциации. – Нальчик, 1993. – февраль, №4(14)

2 - Ардзинба В.Г. Слово об Абхазии //«Свободная Абхазия». Совместный выпуск газет «Абхазия» (Сухуми), «Шапсугия» и «Гъуаз» (Майкоп). – Майкоп, 1993. – сентябрь, №5

3 - Смыр Григорий. Исламский фактор в Абхазии и на Северном Кавказе // «Свободная Абхазия». Совместный выпуск газет «Абхазия» (Сухуми) и «Эхо» (Майкоп). – Майкоп, 1993. – июль, №5

4 - Ардзинба В.Г. Слово об Абхазии...

5 - там же

6 - Щетнев Е. Абхазия, «Страна Души» //Газ. «Свободная Абхазия». Совместный выпуск газет «Абхазия» (Сухуми) и «Джэрпэджэжь» (Майкоп). – без места выпуска, 1993. - №1, февраль

7 - Ардзинба В.Г. Слово об Абхазии...

8 - Орлов Александр. Аджария, которую мы потеряли //ВПК. – М., 2004. - №17 (34), 12-18 мая

9 - Альмов Ш. Как это было...//«Хасэ». Газета кабардинской ОПД «Адыгэ-Хасэ». – Нальчик, 1996. – 4 октября, №22(164)

10 - Итоговый документ московской встречи //Газ. «Шапсугия». – Майкоп, 1992. – 16 сентября, №18; Шаззо А. Соглашение подписано, но...//«Свободная Абхазия». Совместный выпуск газет «Абхазия» (Сухуми), «Шапсугия» и «Гъуаз» (Майкоп). – Майкоп, 1993. – сентябрь, №5

11 - Альмов Ш. Как это было...

12 - Хатуев Рашид. Кавказ в лицах: Владислав Ардзинба //газ. «Гипанис-Кубань». – Черкесск, 1995. - №1(5)

13 - Язькова Алла. Конфликт в Абхазии должен быть урегулирован // «Независимая газета». – М., 1999. – 13 августа

14 - там же

15 - Хатуев Рашид. Кавказ в лицах: Владислав Ардзинба...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО</i>	4
<i>Р.М. БЕГЕУЛОВ</i> . К вопросу о некорректной интерпретации одного из документов по истории Балкарии.....	7
<i>Ш.М.БАТЧАЕВ</i> . Об участии горцев в войнах Российской Империи (к историографии проблемы).....	9
<i>И.С. КИПКЕЕВ</i> . Регуляция оборота земельных ресурсов у карачаево-балкарцев 18-19 вв.	12
<i>Р.Т.ХАТУЕВ</i> . О компонентах исламизации Северо-Западного Кавказа.....	14
<i>И.И. МАРЕМШАОВА</i> . Этноэкологическая основа этногенеза карачаево-балкарского народа: диалог цивилизаций.....	22
<i>М.М.КАРАКОТОВА</i> . Пища и утварь в истории карачаевцев и балкарцев.....	26
<i>Т.Ш. БИТТИРОВА</i> . Тюрки Северного Кавказа (Проблемы этнокультурных связей).....	30
<i>М.Ч. ДЖУРТУБАЕВ</i> . «Скифский рассказ» Геродота в свете карачаево-балкарских параллелей.....	35
<i>НАЗИР БУДАЕВ</i> . Славянизмы в карачаево-балкарском языке.....	53
<i>ХАСАН МАМАЙ</i> . Аланы в Пиренеях.....	49
<i>А.А.ЭБЗЕЕВ</i> . Конфликт в Абхазии и административно- территориальный «обвал» Западной Грузии.....	57
<i>АЛАН ГЛАШЕВ</i> . «Летопись Карчи» как источник по исследованию истории и этногенеза карачаево-балкарцев.....	71
<i>РУСЛАН ТИЛОВ</i> .О полиэтничности «кобанцев».....	77
ПОСТАНОВЛЕНИЕ	97
Источники и библиография	100